

ШАРЛИ
ДЖЕКСОН

ОБЫЧНЫЙ
ДЕНЬ

«Лучший автор
новой американской
готики».
— Стивен Кинг

Вселенная Стивена Кинга

Ширли Джексон

Обычный день

«Издательство АСТ»

1943–1945

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Джексон Ш.

Обычный день / Ш. Джексон — «Издательство АСТ», 1943–1945 — (Вселенная Стивена Кинга)

ISBN 978-5-17-148824-6

Сборник «Обычный день» – это коктейль из различных форм и стилей. В нем соединились истории, написанные Джексон еще в колледже, и работы, созданные в последние годы жизни. Смешались романтические истории, леденящие душу рассказы об убийствах и призраках и юмористические зарисовки о семье, где за ширмой бытовых картинок прячутся вечные темы. Сборник раскроет читателю Ширли Джексон с разных сторон и покажет процесс становления ее писательского мастерства.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-148824-6

© Джексон Ш., 1943–1945
© Издательство АСТ, 1943–1945

Содержание

Вступление	6
Предисловие	9
Часть I. Неопубликованные истории	10
Курительная комната	10
Я не целуюсь с незнакомцами	14
Летний день	17
Индейцы живут в вигвамах	22
Жаркое солнце на Бермудах	31
Ночной кошмар	35
Ужин для джентльмена	45
Праздник для мальчишек	53
Джек-потрошитель	59
Медовый месяц миссис Смит	62
Медовый месяц миссис Смит	69
Сестра	76
Отъявленный преступник	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Ширли Джексон

Обычный день

Shirley Jackson

JUST AN ORDINARY DAY: Stories

© Laurence Jackson Hyman, J.S. Holly, Sarah Hyman DeWitt, Barry Hyman, 1996

© Школа перевода В. Баканова, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Вступление

Несколько лет назад мы без уведомления получили по почте картонную коробку, найденную в старом сарае в Вермонте спустя четверть века после смерти нашей матери. Внутри обнаружилась рукопись романа «Призрак дома на холме» с пояснениями Ширли Джексон о персонажах и развитии сюжета и полдюжины ранее не публиковавшихся рассказов – копии, которые мать хранила для себя. Прочитав эти неизвестные нам рассказы, мы решили собрать и опубликовать новый сборник ее работ.

Вскоре мы отыскивали и другие рассказы; некоторые из них также никогда не публиковались, другие выходили в печати лишь раз, много лет назад, в журналах, и были давно забыты. Брат и невестка Ширли, Барри и Мэрилу Джексон, передали нам рассказы, напечатанные в старых журналах. Еще нашлись рассказы и у нашей сестры, Джей Холли, и брата, Барри Хеймана, которые они берегли у себя много лет. В архивах публичной библиотеки Сан-Франциско мы отыскивали и другие работы матери. Нас поразило сообщение о том, что в Библиотеке Конгресса хранилось двадцать шесть коробок с архивом матери: журналы, стихи, пьесы, отрывки неоконченных романов и рассказы – много рассказов. Мы целую неделю копировали материалы и решили, что набралось достаточно для новой книги, первой с тех пор, как были изданы «Магия Ширли Джексон» и «Пойдем со мной» – вскоре после ее смерти в 1965 году в возрасте сорока восьми лет. Мы надеемся, что пришло время и новому поколению читателей познакомиться с произведениями Ширли Джексон.

Нам удалось собрать множество рассказов, созданных в конце тридцатых и в начале сороковых годов, и только несколько, написанных в юношеские годы, до поступления в колледж. Мать уверяла, что все сожгла, уезжая в университет Рочестера в 1934 году, и, возможно, так и поступила, однако кое-какие из ее работ, напечатанных в школьных журналах, сохранились в архиве Библиотеки Конгресса. Мы смогли лишь приблизительно определить время написания некоторых произведений, поскольку они не датированы. Чтобы избежать ошибок, мы оставили рассказы, собранные в первой части, без даты.

В последующие визиты в Библиотеку Конгресса мы отыскивали недостающие фрагменты рассказов или их версии, понравившиеся нам больше, чем обнаруженные первоначально. Вскоре у нас в руках было порядка 130 рассказов, и 45 из них мы решили опубликовать в этой книге. Все они окончены и, по нашему мнению, вполне отвечают высоким требованиям, которые предъявляла своим произведениям Ширли Джексон. Издательство «Bantam» с энтузиазмом приняло участие в оформлении сборника, и постепенно в нашем распоряжении оказалась целая коллекция коротких рассказов Джексон. Из всех произведений, собранных под этой обложкой, 31 рассказ публикуется впервые. Другие печатались в журналах, но никогда не были включены в сборники, а два или три появились в антологиях. Один из таких рассказов, изданных в антологии (и очень редко встречающийся) называется «Один обыкновенный день с арахисом».

Многие из рассказов, которые мы нашли, были с рабочими названиями или совсем без оных, поскольку Ширли Джексон обычно давала окончательные имена своим произведениям перед отправкой в типографию. Для безымянных рассказов мы придумали названия сами, стараясь следовать привычному Джексон стилю намеков и иносказаний. В других текстах мы поменяли слишком часто встречавшиеся имена персонажей – сама Джексон часто так делала перед публикациями. Мы решили оставить без изменений все, что относится к устаревшим денежным знакам, дабы сохранить атмосферу времени и места действия.

В этой книге вы найдете рассказы в самых разных жанрах: от романтических и до немного страшных и действительно пугающих. Встретятся вам и юмористические зарисовки, которые Ширли Джексон писала о своей семье, – в данном жанре она также выступила одной из первых,

равно как и в изложении необычного и страшного. Мы хотим, чтобы это собрание рассказов представило работу Ширли Джексон с разных сторон, показало процесс рождения писательского мастерства сквозь призму различных форм и стилей.

Наша мать жила и писала в то время (тридцатые – шестидесятые годы двадцатого века), когда курить табак и пить алкоголь считалось модным и приятным времяпрепровождением. Персонажи ее историй то выкуривают сигарету за сигаретой, то пьют бокал за бокалом, между делом наливая себе кофе и шлепая детей. Однако за ширмой бытовых картинок прячутся вечные темы.

Рассказы в этой книге не так ошеломляющи, как «Лотерея». Большинство из них написаны для печати в популярных в те времена журналах («Шарм», «Лук», «Харперз», «Домашний компаньон женщины», «Космополитан», «Фэнтези и научная фантастика», «Ридерз дайджест», «Нью-Йоркер», «Плейбой», «Домашний очаг» и так далее). На самом деле, Ширли Джексон написала не так много действительно страшных историй, и не все из них – сплошь фантазии или рассказывают о сверхъестественном – вероятно, эти темы она предпочитала развивать в более крупных формах. Ширли Джексон отважно обращалась к непопулярным темам и срывала радужные покровы. Некоторые из рассказов в данном сборнике настолько уникальны по стилю и темам, что едва ли их можно назвать похожими на другие произведения автора.

Некоторые рассказы Джексон переписывала всю жизнь. «Медовый месяц миссис Смит» очень сильно отличается от другой версии той же истории, включенной в сборник под заголовком «Тайна убитой невесты». Это одна и та же история с одними и теми же героями, но рассказанная с разных точек зрения и с промежутком в несколько лет. В сборник мы включили обе ее версии – такое сделано впервые и, возможно, будет оценено изучающими писательское мастерство. Кроме того, мы добавили в сборник и «добрые» истории, которые так нравились читателям (как правило, женщинам) журналов пятидесятых и шестидесятых годов. Вы встретите их среди рассказов об убийствах, обманах, о призраках и семейных хрониках.

Наша мать старалась писать каждый день и считала свое занятие профессией. Как правило, она работала по утрам, когда дети уходили в школу, и потом по вечерам, до поздней ночи. В нашем доме всегда слышался стук пишущей машинки, и к нам очень часто заходили известные литераторы и художники. У нас в гостиной нередко играли в покер скульпторы, художники, композиторы, поэты и писатели различных жанров, но всегда по вечерам мы засыпали под звук пишущей машинки.

Представленная коллекция коротких историй значительно расширяет опубликованное наследие Ширли Джексон. Здесь есть рассказы, написанные в колледже, потом в Гринвич-Виллидж в начале сороковых годов, когда она делала лишь первые шаги на писательском пути, и те, что были созданы позднее, в пятидесятые годы, а также тщательно проработанные, леденящие душу истории, написанные в последние годы жизни Джексон, в шестидесятых годах двадцатого века. Рассказы в этом сборнике свидетельствуют о непреодолимом желании писать, которое не покидало Ширли Джексон до конца жизни, дают понимание о ее развитии как писателя, показывают ее отважное желание исследовать такие актуальные во все времена темы, как зло, безумие, жестокость и воспитание детей. Ширли Джексон чрезвычайно серьезно относилась к писательскому труду, равно как и к темам своих произведений (в газете «Миннеаполис Трибьюн» однажды отозвались о ней так: «Мисс Джексон, по всей видимости, просто не в состоянии написать плохую фразу»). В историях, собранных под этой обложкой, читатель встретит ироничный, остроумный взгляд на мир и особый стиль повествования – отличительные черты творчества Ширли Джексон.

*Лоуренс Джексон Хейман
Сара Хейман ДеВитт
Сан-Франциско
Август 1995 г.*

Предисловие

Все что я помню

Тот год, когда мне исполнилось шестнадцать, выдался на редкость мучительным – это я помню совершенно ясно. Мы перебрались из Калифорнии на восточное побережье, я пошла в другую школу, привыкала к новым манерам и новому окружению, а в шестнадцать лет это ох как непросто. Начало урока по химии однажды задержали, чтобы дать мне полюбоваться первым снегопадом. Весь класс высыпал на улицу, дети развлекались, раньше я и вообразить не могла, что увижу снег наяву.

Как-то я невероятно разозлилась на книгу, которую читала – сейчас и не вспомню на какую, ведь тогда я столько всего отбрасывала, не дочитав, – и решила: раз нет на свете достойных произведений, то стоит создать свое.

Драму в стихах я отвергла – слишком старомодно, поэзия – слишком трудно, и решила творить в жанре детектива. Ведь детективы очень легко писать и, наверное, так же легко читать. Я подумала, что, когда история будет почти готова, напишу имена всех персонажей на листочках и сложу в шляпу. А потом, чье имя первым вытяну, тот и убийца – пусть финал удивит и меня. Помню, как весь день сидела у себя в спальне, на втором этаже, и писала, не отрываясь, придумывала обстоятельства, в которых одного из персонажей моего творения (сплошь мало-симпатичных и то и дело отпускающих глупые подростковые остроты) можно будет назначить преступником. Описав два или три убийства, я заторопилась и перестала обращать внимание на детали – у меня не хватало терпения на подробное расследование всех обстоятельств. Сложив имена персонажей в шляпу, я спустилась в гостиную, чтобы прочесть рассказ родным.

Мама вязала, отец читал газету, брат тоже был чем-то занят, кажется, вырезал свои инициалы на кофейном столике, и все же я убедилась их уделить мне время и прочла рукопись до самого конца, до последней строчки. Когда же я закончила, то услышала вот что:

БРАТ: Как, говоришь, это у тебя называется?

МАМА: Очень мило, дорогая.

ОТЕЦ: Неплохо, неплохо. (Обращаясь к матери.) Ты позвонила ремонтникам насчет отопления?

БРАТ: (Со зловещим хохотом.) Знаешь, перебила бы ты всех героев!

МАМА: Ширли, надеюсь, ты заправила постель?

Не помню, кто из персонажей появился из шляпы с перепачканными кровью руками, зато не забыла, как в тот же вечер решила больше никогда не читать и не писать детективы, а если точнее, то ни о чем больше не писать вообще. К тому же я приняла окончательное решение не выходить замуж и не заводить детей. Наверное, приблизительно тогда же я осознала: мне суждено стать частным детективом.

Ширли Джексон

Часть I. Неопубликованные истории

Курительная комната

Он был выше ростом, чем я воображала. И шуму наделал много. Сидела я тогда наедине с пишущей машинкой в курительной комнате на первом этаже общежития, как вдруг раздался ужасный грохот, переходящий в шипение, я повернулась – и вот он, прямо передо мной.

– Нельзя ли потише? – попросила я. – Я работаю.

Он так и стоял на месте, а над головой у него курился дымок.

– Тише не получается, – извинился он. – Требуется взрывная сила, понимаете ли.

– Так взрывайтесь где-нибудь в другом месте, – посоветовала я. – Мужчинам сюда нельзя.

– Знаю, – ответил он.

Тогда я развернулась, чтобы как следует его рассмотреть. Хотя над ним по-прежнему витал дым, во всем остальном он выглядел вполне обаятельным молодым человеком. Рога были едва заметны, а раздвоенные копыта прятались в элегантных кожаных ботинках с заостренными носами. Начать светскую беседу гость предоставил мне.

– Вы, вероятно, дьявол, – вежливо произнесла я и добавила: – Насколько я понимаю.

– Верно, – довольно ответил он. – Я и есть дьявол.

– А где ваш хвост? – уточнила я.

Он покраснел и неопределенно взмахнул рукой.

– В сложившихся обстоятельствах... – пробормотал он и подошел к столу, за которым я работала. – Чем вы заняты?

– Пишу сочинение.

– Позвольте взглянуть.

Он потянулся к машинке. Я оттолкнула его руку и неожиданно довольно сильно обожглась.

– Не лезьте не в свое дело, – посоветовала я.

Он безропотно опустил на стул.

– У вас закурить не найдется?

Я бросила ему пачку сигарет и внимательно смотрела, как он прикуривает от кончика пальца, из которого выстрелило крошечное пламя. Я протянула к нему обожженную руку.

– Нельзя так с людьми обращаться, – сказала я. – Врагов наживете.

Бросив сочувственный взгляд на мои пальцы, он что-то пробормотал, и ожог исчез.

– Спасибо, так-то лучше, – поблагодарила я.

Мы сидели, откинувшись на спинки стульев, и молча курили, глядя друг на друга. Он был симпатичный.

– Кстати, – наконец решила я, – может, расскажете, зачем вас сюда занесло?

– Это ведь колледж, верно?

Я смерила его взглядом, однако гость, похоже, не подразумевал ничего неприличного. И я ответила:

– Вы находитесь в курительной комнате самого большого женского общежития при университете штата, и, если комендантша вас заметит, чертям в аду жарко станет.

Он рассмеялся, и до меня дошло, что выразилась я, по крайней мере, глупо.

– Был бы рад встретиться с этой комендантшей.

Я попыталась вообразить такую встречу, но сразу передумала.

– Среди живущих на земле она практически ваш двойник, – честно призналась я.

Он приподнял брови, затем, вспомнив о чем-то, вынул из кармана листок бумаги.

– Будьте любезны подписать, – непринужденно попросил он.

Я взяла листок в руки.

– Позвольте, я сначала прочту.

Он пожал плечами.

– Как хотите. Там ничего особенного.

И я прочла:

– Сим отдаю дьяволу мою душу, – далее на строке было пустое место, видимо, для моего имени. – Эта бумажка законной силы не имеет, – сообщила я.

Он встревоженно взглянул на договор.

– Неужели? А что не так?

– Смотрите сами! – Я положила листок и с презрением ткнула в него пальцем. – Ни один суд серьезно не отнесется. Где подписи свидетелей? Да любой неглупый адвокат найдет тысячу причин придраться...

Взяв договор в руки, он с несчастным видом нахмурился.

– А раньше прекрасно получалось...

– Я просто поражаюсь, как вы ведете дела. В суде вас и слушать не станут.

– А давайте составим другой договор... И вы сами напишете все правильно. Мне вовсе не хочется совершать ошибку.

Я задумалась и кивнула.

– Ладно. Я составлю новый договор. У меня с юридической терминологией не очень, но я попытаюсь.

– Действуйте, – сказал он. – Я на все согласен.

Вытянув из пишущей машинки использованный лист, я сложила вместе копировальную бумагу и две чистые страницы.

Он с подозрением уставился на копирку.

– Зачем это?

– Хочу сделать две копии. Одну для себя. Тогда соглашение получит обязывающую силу для обеих сторон.

Я принялась за составление документа, а он продолжал недоверчиво следить за каждым моим движением.

– На какой срок пишем договор? – уточнила я.

– Навечно, естественно, – не задумываясь, ответил он.

Закончив, я вынула страницы из пишущей машинки. Поскольку с юридической терминологией я познакомилась лишь по извещениям от декана факультета, которые он рассылал провалившим экзамены студентам, договор вышел слегка запутанным. Получилось вот так:

«Я (оставлено место для имени), именуемый (—ая) в дальнейшем «Стороной договора с одной стороны», согласно настоящему договору продаю и поручаю свою душу, именуемую в дальнейшем «Стороной договора с другой стороны», под опеку и на заботливое хранение (снова оставлено место), именуемому (—ой) в дальнейшем «Стороной договора с третьей стороны», который (—ая) настоящим обещает и клянется выплатить сумму в один доллар, а также прочие неназванные вознаграждения, признать данную сделку честной и справедливой и отказывается от любых претензий в дальнейшем; данное соглашение имеет обязывающую силу по взаимному согласию указанных сторон в любом суде, где представлено к рассмотрению (подписи сторон) (подписи свидетелей)».

Дьявол прочел мое сочинение дважды.

– Ничего не понимаю, – признался он.

– Здесь сказано то же самое, что и у вас, – пояснила я, – только более официально. – Я встала и ткнула в строки в середине текста. – Видите фразы о сторонах договора с первой и второй стороны? О рассмотрении в суде? Они придают документу юридическую силу.

– Хорошо, подписывайте, – ответил он.

Я задумалась.

– Понадобится свидетель. Пойду позову соседку по комнате.

И прежде чем дьявол успел открыть рот, я вышла. Моя подруга крепко спала.

– Эй, Бобби, – прошептала я, встряхнув ее за плечо.

Она перевернулась на другой бок и пробормотала:

– Отстань.

– Бобби, ты должна заверить соглашение.

– Какого черта?

– Внизу дожидается дьявол.

– Ничего, подождет, – отрезала Бобби.

Она открыла глаза, но не шевелилась. Я стянула ее с кровати и поставила на ноги.

– Давай скорее, – скомандовала я. – Не будем его злить.

– Договор с дьяволом подписываем, – с отвращением пробормотала Бобби. – В три часа ночи! Здесь вообще можно выспаться?

– Пошли!

Бобби присела на край постели.

– Тысячу лет протянул, – проворчала она, – подождет и пока я губы накрашу.

К тому времени когда мы спустились на первый этаж, дьявол выкурил четыре сигареты из моей пачки. Увидев нас, он встал и низко поклонился Бобби.

– Счастлив знакомству, – произнес он.

Бобби призывно улыбнулась и ответила:

– Здравствуйте.

– Друзья мои, – обратилась я к нему, – давайте поскорее с этим покончим. У меня полно дел.

– Что от меня требуется? – спросила Бобби, украдкой поглядывая на дьявола.

– Всего лишь подпись – вот здесь.

Он взял ее за руку и повел к столу.

Бобби вскрикнула так громко, что ее, наверное, услышала и комендантша, и все девочки в общежитии. Дьявол отшатнулся и принялся извиняться, однако Бобби лишь гневно смотрела на него, потирая руку.

– Знаете что! – воинственно заявила она. – Я отказываюсь находиться рядом с парнем, который обжигает!

Дьявол взглянул на руку Бобби и вылечил ожог, а Бобби отошла подальше и встала по другую сторону стола.

Я взяла договор и сказала:

– Сначала я.

Написав свое имя во втором пробеле, я протянула договор дьяволу.

– Ваша очередь.

– Где подписать? – уточнил он, растерянно глядя на лист. Я указала на первый пробел и подала ему ручку. Он вдруг покраснел и посмотрел сначала на меня, а потом на Бобби.

– Наверное, я... – запнулся он, – ничего, если... – он пожал плечами и начертил вместо имени крестик. – Так и не выучился... – сконфуженно пояснил он.

У Бобби аж челюсть отвисла. Она так и стояла с раскрытым ртом, пока я не пнула ее в лодыжку.

– Подпиши здесь, – я показала на строку для подписи свидетеля.

Мы с дьяволом снова расписались внизу, под текстом, и повторили процедуру со вторым экземпляром договора. Один лист я отдала дьяволу, а другой оставила себе.

– По-видимому, я должна вам доллар, – самым непринужденным тоном признала я.

– За что? – спросил он.

– Бобби, сбегай наверх и займи у кого-нибудь доллар, – торопливо попросила я.

– Какого черта, – ответила Бобби, но все же направилась вверх по лестнице.

– Ну-с, чего пожелаете? – спросил дьявол, потирая ладони.

Я принялась полировать ногти на левой руке.

– Для начала мне бы хотелось пятерку по химии, дар становится невидимой, возвращаясь в общежитие после отбоя, приглашение на выпускной бал от капитана футбольной команды...

– И мне что-нибудь, – напомнила вернувшаяся Бобби.

– Посмотрим... – протянула я. – А Бобби...

– Свидание с тем блондином, – перебила меня Бобби, – сама знаешь, с кем.

Подруга подала мне доллар.

– Вот и все, наверное, – обратилась я к дьяволу.

– Не считая, конечно же, – снова вклинилась Бобби, – пары сотен тысяч долларов.

– Вы все получите, – охотно пообещал дьявол.

– Ах, да, – улыбнулась я, – а это вам.

И я протянула ему доллар.

– За что? – удивился он.

Я взглянула на договор.

– За вашу душу.

Дьявол посмотрел на свой экземпляр.

– Хотите сказать, за *вашу* душу.

– Нет, – я ткнула пальцем в страницу. – Вы подписали там, где сказано, что отдаете мне свою душу за сумму в один доллар, а также за другие неназванные вознаграждения. В нашем случае это мои сигареты, которые вы выкурили.

– И меня с кровати подняли, – добавила Бобби.

Дьявол перечитал договор. Внезапно он затопал ногами, изо рта у него вырвались языки пламени – мы с Бобби переглянулись.

– Обалдеть! – проговорила она. – Вот бы с таким на свидание!

Услышав ее слова, дьявол слегка побледнел и попятился, а упершись в стену, молча уставился на что-то позади нас. Мы с Бобби обернулись и оказались лицом к лицу с комендантшей. Она стояла у открытой двери, в халате и папильотках, и вид ее повергал в трепет.

Комендантша взглянула на дьявола и осведомилась:

– Молодой человек, что вы здесь делаете?

– Мадам... – выговорил дьявол.

– Вы пожароопасны! – рявкнула она.

– Да, мадам, – признал он.

– Убирайтесь немедленно, пока я не сообщила о вас декану.

Дьявол бросил убийственный взгляд на нас с Бобби и попытался исчезнуть в клубах взрыва, однако выдохнул лишь слабенькое серое колечко дыма и пропал.

– Прекрасно, – одобрила комендантша и повернулась к нам с Бобби. – Ну и?

– Понимаете... – выговорила Бобби.

– Видите ли, все было так... – пояснила я.

– Мгм, – хмыкнула комендантша. – Дьяволицы во плоти!

И отправилась спать.

Я не целуюсь с незнакомцами

Всякий раз, подходя к тому месту, где она сидела, он начинал что-то говорить и сразу обрывал себя, ведь о чувствах в такой толпе не скажешь, а глядя на выражение ее лица, он забывал все шутки, даже самые уместные. Ухитрившись сесть с ней рядом, он рискнул взять ее за руку, но она лишь едва заметно улыбнулась, не поднимая глаз.

В зале было и тесно, и шумно, а ему так хотелось вывести ее наружу, во тьму, вот только как ее заинтересовать, выманить из дома? Он поделился с кем-то из гостей своими трудностями, обронив: «Не предложишь же девушке в разгар вечеринки: “Пойдем отсюда, попрощаемся”».

– Господи, да иди с ней в спальню, там пусто, – не раздумывая, ответил ему собеседник.

В конце концов, когда гости достаточно выпили, а за громким пением разговоров стало не разобрать, он снова сел с ней рядом.

– Слушай, нам надо поговорить.

– Я слушаю, – отозвалась она.

А дальше? Напомнить, что это их прощальный вечер? Он побоялся выглядеть бестактным. Еще ему хотелось спросить, почему последние часы они проводят так далеко друг от друга. Впрочем, он знал, что ответа не услышит.

И тогда он просто сказал:

– Я все время смотрю на тебя.

– А я на тебя смотреть не хочу, – очень быстро проговорила она. – Я все прекрасно запомнила.

– Приедешь навестить меня? – он схватил ее за руку и потянул, пытаясь повернуть к себе. – Ты могла бы сопровождать нашу часть как гражданское лицо.

– Ни за что, – ответила она. – Я поеду домой. К матери.

– Будешь чинно пить чай и играть в бридж, пока я ползаю в грязи с винтовкой «Гаранд»?

– Замолчи, – отрезала она.

Вот теперь время пришло, и он сказал:

– Пошли. Выйдем отсюда.

– Я не хочу уходить слишком далеко от коктейлей, – воспротивилась она.

– Мы ненадолго. И недалеко.

– Нет, – подумав, добавила: – Погоди-ка. Ступай за мной.

Взяв бокал в одну руку, а пачку сигарет в другую, она поманила его за собой в ванную и заперла дверь.

– Ну вот. Мы недалеко, и здесь пусто.

– А вдруг кто-нибудь захочет войти? – спросил он, усаживаясь на край ванной.

– Подождут. Мы недолго.

– Милое местечко, – заметил он. – Созданное специально для избавления от самых неприятных отходов человечества, прямо как наши издательства.

– Славно, – прокомментировала она. – Устроим здесь идеальное прощание в стиле лучших гостиных. Ты, как сам Ноэл Кауард¹, станешь произносить подобные фразы одну за другой.

– Да что с тобой, бога ради... ты пьяна?

– Нет, – ответила она.

Ему подумалось, что теперь можно высказать все, что прежде он считал слишком бестактным или слишком бесполезным.

– Милая, сегодня наш прощальный вечер, и я не хочу, чтобы он прошел так...

¹ Английский драматург, композитор, режиссер, актер и певец.

– Почему наш прощальный вечер должен отличаться от любого другого вечера? Я же испортила достаточно наших вечеров?

– Но я не хочу вспоминать о тебе, как...

– Послушай, – прервала она его. – Добрые старые времена закончились, ты еще не понял? Не видишь, какая огромная разница между тем, как мы развлекались, когда были влюблены, и теперь, когда тебя призвали в армию, а мы все еще влюблены?

– А есть разница? – удивился он.

– Конечно. До вчерашнего вечера все было как всегда, но как только наступил твой последний день, стало иначе. И иначе теперь все будет черт знает сколько времени.

– Ровно год.

– Год! Да неужели! – огрызнулась она. – Если ты и вернешься, то станешь бывшим солдатом. С кошмарами в голове. Ты сильно изменишься.

– Можно подумать, это тебя призвали в армию, – проговорил он.

– Думаешь, мне так не кажется? Вот сижу я здесь и рассуждаю: «Да, мы теперь не скоро увидимся, и предположить не могу, что произойдет за это «не скоро». Стану ли я перечитывать твои письма? Или встречу другого парня? Я не знаю, как он будет выглядеть. Не представляю, какой у него будет голос. Вот что значит «не скоро». Сколько всего мне предстоит сделать без тебя! Сколько раз мне придется ложиться в постель одной, без тебя, или с тем парнем, которого я пока даже не знаю? Не счастье! Сколько раз у меня кончатся сигареты, а тебя не будет рядом, чтобы сбегать за новой пачкой?»

– Все верно, – кивнул он. – А кому из нас предстоит ползать в грязи?

– Кто станет пересылать твою почту? – продолжила она. – Кому теперь заводить часы и выносить каждый вечер мусор?

– Ты привыкнешь.

– Я тоже изменюсь. Стану другой – живущей без тебя, как ты стал другим – отбывающим завтра в часть.

– Так давай хотя бы сегодня побудем счастливыми! – потребовал он. – Почему мы сцепились, какого черта? Ссоримся из-за того, что завтра я уйду в армию... это глупо!

– Мы не ссоримся, – возразила она, – ничего подобного. Тебе, конечно, хочется обнять меня, похлопать по спинке и сказать: «Ну-ну... всего-то год, подумаешь», а я не позволю. И мне не будет стыдно – просто все иначе.

– Но почему?

– Потому что только наше прощание у меня и осталось, – ответила она. – Мне придется делать все, как раньше, до окончания века. А когда меняешься, все вокруг становится другим.

– Не понимаю, – признался он. – Хочешь сказать, я теперь другой только потому, что завтра уезжаю?

– Сам не видишь? – удивилась она. – Ладно, попробую объяснить еще раз. Ты больше не просто парень, в которого я влюблена. Ты парень, в которого я влюблена и который уходит в армию. И у меня осталось всего несколько минут, чтобы с тобой попрощаться. Когда ты уйдешь, у меня ничего не останется, только ты, который ушел. И я не хочу проводить последние минуты с парнем, в которого я влюблена и который уходит в армию.

– Прости, – сказал он. – Я все равно ничего не понял.

– Вижу, – кивнула она. – Я напишу тебе письмо.

В дверь постучали, и он заметил:

– Похоже, праздник заканчивается.

– Да, – она поднялась. – Что ж...

Он подошел к двери и обернулся.

– Ты ведь не станешь плакать?

– Нет.

Она обошла его и отперла дверь, а когда он потянулся к ней, отвернулась.
– Нет, – повторила она. – Я не целуюсь с незнакомцами. Мог бы и запомнить.

Летний день

Розабелла Джемайма Хендерсон, которая умела открывать и закрывать глаза, и чьи локоны можно было завивать и расчесывать, лежала, удобно откинувшись на розовую подушку в кукольной коляске. А рядом с ней спала в игрушечной карете Амелия Мариан Доусон, которая могла по-настоящему ходить, если держать ее за руки, и могла говорить «мама» и «папа»; ее длинные ресницы отбрасывали тень на нежно розовевшие щеки. На ступеньках дома Доусонов, оставив на минуту свои материнские обязанности, Дженни Доусон и Керри Хендерсон склонились над другой любимой игрой – между собой они называли ее «цветочные люди». У Дженни светлые волосы были забраны в конский хвост, завязанный розовой лентой, а Керри, темноволосая и с каре, была в красной блузке. Керри считала маму Дженни второй самой милой мамой на свете, а папа Керри так смешно корчил забавные рожицы, что Дженни всегда попискивала от смеха.

Играя в цветочных людей, девочки строили крошечные домики из листьев и травы, а из бело-розовых бубенчиков, бутонов с куста, росшего рядом со ступеньками крыльца у дома Дженни, получались грациозные цветочные дамы. С невысокого дерева за домом Дженни они собирали зеленые стручки, из которых складывали колыбельки для цветочных детишек. Скорлупа грецкого ореха служила в домике Дженни столом, а Керри превратила обрывок серебряистой бумаги в ковер.

– Моя дама идет в гости к твоей даме, – сказала Дженни и мелкими шажками перенесла розовый цветок к домику Керри. – Как поживаете, миссис Браун? – спросила розовая дама. – Я пришла к вам на обед.

– Хорошо, а вы, миссис Смит? – отозвалась белая дама Керри, бросаясь к входной двери. – Проходите, пожалуйста, садитесь в гостиной с серебристым ковром, а я подам обед.

Розовая и белая дамы опустили на стулья из листьев, а между ними Керри положила розовый лепесток с двумя ягодами.

– Не желаете ли мороженого? – осведомилась белая дама. – И еще пирога и печенья? Я все испекла сама.

– Большое спасибо, – поблагодарила розовая дама. – Очень вкусно.

– Послушай, – сказала Керри уже за себя, а не за розовую даму, – моя мама и правда испекла сегодня печенье.

– Так пойдем к тебе в гости, – предложила Дженни.

– Попросим у нее печенья с молоком, – согласилась Керри.

Оставив розовую и белую дам за обедом, а Розабеллу и Амелию крепко спящими у ступенек, девочки пошли по дорожке, задержавшись на минуту, чтобы рассмотреть крошечное существо, которое Керри сочла, скорее всего, долгоножкой, а Дженни была почти уверена, что перед ними новорожденная гусеница, и еще раз остановились на тротуаре, раздумывая, затормозит ли показавшаяся на улице машина. Когда же автомобиль проехал мимо, девочки медленно зашагали к дому Керри. Через живую изгородь между домами Керри и Дженни была протоптана тропинка – по ней ходили мама Дженни, мама Керри и их отцы туда и обратно, а Керри и Дженни всегда сворачивали на тротуар – ведь они никогда никуда не спешили.

Мама Керри действительно испекла печенье, но приближалось время ужина, и девочкам дали только по одному сладкому кружочку. Осторожно откусывая маленькие кусочки по краям, чтобы продлить удовольствие, они вышли из дома Керри и медленно отправились обратно.

– Я больше не хочу играть в «цветочных людей», – сказала Дженни.

– И я не хочу, – согласилась Керри. – Можно попрыгать в классики.

– Классики у меня только на пятнадцатом месте среди любимых игр, – возразила Дженни. – Давай лучше попрыгаем через скакалку.

– Прыгать через скакалку – у меня на пятнадцатом месте. Давай поиграем в танцы.

– Давай порисуем цветными карандашами.

– Или взлезем на ореховое дерево.

– Или поиграем в танцы.

Керри задумалась.

– Давай навестим Макки, – предложила она.

– Да. – Дженни так энергично кивнула, что длинные волосы упали ей на лицо. – Сходим к Макки.

Мелкими легкими шажками они шли по тротуару, откусывая понемногу печенье.

– Мы давно не навещали Макки, – сказала Дженни.

– Может быть, Макки мечтает, чтобы мы к ней зашли.

– Может быть, Макки грустит, оттого что мы давно у нее не были.

– Прошло столько дней с тех пор, как мы ходили к Макки.

Не сговариваясь, они одновременно начали подскакивать на ходу. Всякий раз примерно в это время они начинали подскакивать, не спрашивая друг дружку, и так и скакали, пока не миновали подъездную дорожку к дому Браунов, где тротуар был весь в трещинах. Там они пошли обычными шагами, по очереди обходя яму, и опять рядом, до самого угла, где и повернули. Миновали пустующий участок, где как-то раз, поздним вечером жившие по соседству большие мальчишки развели настоящий костер, как бойскауты, и пекли картошку, а Керри и Дженни смотрели на них с тротуара, и каждой досталось по поджаренной маршмеллоу, липкой, но очень вкусной пастилке. Пустой участок принадлежал Браунам, но все большие мальчишки играли там, а когда выстроили что-то вроде шалаша, то девочек к себе пускать перестали. Дженни и Керри не разрешалось ходить на свободный участок, ведь они были совсем маленькие, но гулять по тротуару вдоль домов им позволяли при условии, что ни одна из них ни шагу не сделает на улицу. Когда шел дождь, и вода, бурля, бежала по сточным канавам, а большие мальчишки строили запруды и пускали кораблики из деревяшек и листьев, Дженни и Керри все равно запрещалось сходить с тротуара на проезжую часть. И это было совершенно справедливо. Вот вырастут Дженни и Керри, тогда и станут играть в бегущей по канаве воде, ходить на целый день в школу и строить снежные крепости на пустующем участке. А пока Дженни и Керри маленькие, им совершенно законно разрешается обходить весь квартал по тротуару и гулять с кукольными колясками, а вот на улицу – ни ногой.

Однажды мальчик по имени Харрис прокатил сначала Керри, а за ней и Дженни на самокате по пешеходной дорожке вдоль пустого участка, а порой, по вечерам, сразу после ужина, когда небо еще отсвечивало зеленым, а голоса звучали странно далеко, родители разрешали Керри и Дженни прогуляться за угол и посмотреть, как большие мальчишки пинают консервную банку на улице, или играют у светофора в прятки или в бары. Одна из взрослых девочек, игравшая в бары, приходила посидеть с Дженни или Керри, когда их родители уходили вечером развлечься. Она читала вслух рассказы и вырезала из бумаги кукол.

За следующим углом открывался отрезок пути, который не очень нравился Керри и Дженни, но за ним и жила Макки. Сквозь деревья за домами девочки видели свои дома, только сзади, и это было забавно – смотреть на дом сзади, когда он не мог их видеть. Отчасти не самое приятное впечатление придавал улице сад миссис Брэнсон – сумрачный, с большими плакучими деревьями, под которыми совсем не хотелось играть, даже когда миссис Брэнсон не выходила и не грозила вызвать полицию, если дети не прекратят бегать по ее лужайке.

– Интересно, выглядывает ли Макки на дорогу? – сказала Дженни, снова пускаясь вприпрыжку. Они всегда проходили-проскакивали дом миссис Брэнсон вприпрыжку, чтобы как можно скорее оставить его позади. – Спорим, она ждет не дождется, когда мы снова придем?

– Спорим, она спрашивала у мамы, нельзя ли позвонить нам по телефону? – откликнулась Керри.

Дом Макки стоял на углу. Обогнув квартал с другой стороны, можно было дойти до него быстрее, но Керри и Дженни всегда шли к дому Макки мимо пустого участка, ведь они никогда никуда не спешили. По другой дороге они возвращались. После дома Макки идти оставалось только домой. К тому же, проходя по улице с этой стороны, они видели ее окно.

– Интересно, она сегодня дома? – поинтересовалась Керри, останавливаясь на тротуаре и глядя на окно второго этажа. – Я вижу ее кукольный домик.

Девочки напряженно всматривались в дом. Иногда из-за слепящих бликов им ничего не удавалось различить внутри, однако временами, как сегодня, окно заливали послеполуденные лучи солнца.

– Я вижу ее мягкого медвежонка и жирафа, – сказала Дженни.

– Ее полка с игрушками наверняка прямо под подоконником, – повторила Керри фразу, которую произносила не раз прежде. – Так ее друзья видны всем, а она, входя в комнату, тут же видит, как они ее ждут – и медвежонок, и кукольный домик.

– Ноев ковчег пропал, – заметила Дженни. – Скорее всего, сегодня она играет с Ноевым ковчегом.

– И куклы в синем платье тоже нет, – добавила Дженни. – Наверняка она собрала кукол, чтобы поиграть с ними, а после возьмет и Ноев ковчег.

– Вот было бы здорово, если бы она нам помахала, – сказала Дженни.

– Вот было бы здорово, если бы она подошла к окну, увидела нас и помахала, – повторила Керри.

– Вот если бы она вышла из дома и поиграла снаружи, – продолжила Дженни.

– Может быть, она плохо себя вела, и мама велела ей весь день сидеть в комнате, – предположила Керри, как говорила уже много раз прежде.

– Может быть, она заболела, и мама велела ей лежать в постели, пока температура не спадет, – сказала Дженни, как говорила много раз прежде.

– А может быть, у нее есть подруга, которая приходит к ней поиграть каждый день после обеда.

– Или у нее есть котенок, и она не может его бросить.

– Хоть бы она нам помахала, – вздохнула Керри.

– И все же ей наверняка нравится, что мы приходим ее навестить.

Керри грустно отвернулась.

– Похоже, сегодня она не хочет с нами играть.

Они постояли еще минуту, глядя на окно на втором этаже.

– До свидания, Макки, – тихо сказала Дженни.

– До свидания, Макки, – сказала и Керри.

И они поскакали по тротуару, свернули за угол и дальше отправились тоже вприпрыжку, не останавливаясь, ведь на улице не было совсем ничего интересного, если не считать малыша Андоверов. Если его вывозили гулять, то Дженни и Керри разрешалось заглянуть в коляску и с недоверчивыми улыбками посмотреть на крошечные ручки и розовое личико. Сегодня малыша Андоверов на улице не оказалось, и девочки проскакали всю дорогу до первого угла, а потом и до дома Дженни, где на ступеньках «цветочные дамы» по-прежнему медлительно и изящно пили чай, а Розабелла и Амелия спали.

– Я спрошу маму, почему Макки не может выйти и поиграть с нами, – вдруг произнесла Дженни.

– Тогда твоя мама позвонит ее маме по телефону и пригласит Макки в гости, – предположила Керри. – А я попрошу мою маму пригласить Макки на мой день рождения.

– А я попрошу маму пригласить Макки в гости завтра.

– А я попрошу маму пригласить Макки пожить у нас.

Весело смеясь, девочки побежали по садовой дорожке к ступенькам. Задняя дверь дома Керри открылась, и мама Керри крикнула:

– Керри! Керри! Пора домой.

Сидя на кухне, на высоком табурете у длинной столешницы, Дженни смотрела, как мама чистит картошку, и тихо напевала что-то себе под нос. Снаружи темнело. Листья меняли цвет. Скоро лето кончится, и старшие дети отправятся в школу. Еще через год Дженни и Керри тоже пойдут в школу. Будут каждое утро ходить туда вместе с большими мальчишками и девчонками, станут носить с собой книгу, пенал и обед в бумажном пакете.

– Мама, а Макки когда-нибудь пойдет в школу? – задумчиво проговорила Дженни.

– Наверное. А кто такая Макки?

– Маленькая девочка.

– Маленькие девочки обязательно вырастут и пойдут в школу. Где она живет?

– За углом. Мы часто ходим ее навестить, Керри и я.

Мать Дженни нахмурилась и, помедлив, спросила:

– За углом живет маленькая девочка? – и встревоженно добавила: – Солнышко, вы с Керри переходили улицу?

– Нет, нет, никогда, – хихикнула Дженни. – Макки живет на нашей стороне, в нашем квартале. За углом. За старым темным садом миссис Брэнсон.

– В каком же доме она живет?

– На углу, сразу после сада миссис Брэнсон. Мы всегда идем от нашего дома до угла, мимо пустого участка, еще раз сворачиваем за угол, проходим дом миссис Брэнсон, и на следующем углу и есть дом Макки.

Миссис Доусон положила на стол картофелину, которую чистила, и склонилась через столешницу к Дженни. Она нежно тронула дочь пальцем за кончик носа, и они обе рассмеялись.

– Ах ты, моя зайка, – улыбнулась миссис Доусон. – Это дом Арчеров.

– Там живет Макки. Мы смотрим на ее окно, видим, как она играет, но Макки никогда не выходит к нам. Мы просто хотим посмотреть, как она играет.

Миссис Доусон перестала смеяться, сняла Дженни с высокого табурета и посадила ее себе на колени. Дженни уютно устроилась в маминых объятиях и довольно вздохнула.

– Золотко, – сказала миссис Доусон и вдруг замолчала. Сделав глубокий вдох, она медленно спросила: – Солнышко, ты когда-нибудь слышала о том, что люди умирают?

– Конечно, – с удивлением ответила Дженни. – Прабабушка умерла и золотая рыбка у Керри тоже.

– У миссис Арчер была маленькая дочка, и она умерла, – осторожно подбирая слова, объяснила миссис Доусон. – Ты наверняка слышала, как об этом говорили. Все произошло совсем недавно.

– Макки всегда сидит в своей комнате. Она ставит на подоконник разные игрушки. У нее есть Ноев ковчег и кукла в синем платье, и еще желтый жираф.

– Дженни. – миссис Доусон слегка встряхнула дочку. – В доме Арчеров нет маленьких девочек. Там вообще нет детей. – Она крепко обняла Дженни. – И совсем нет игрушек. Я точно знаю. – Поколебавшись, миссис Доусон добавила: – Я сама собрала там все игрушки. Арчеры отдали их другим детям.

– А почему ты собирала вещи маленькой дочке миссис Арчер? Почему миссис Арчер сама все не сделала?

– Миссис Арчер плохо себя чувствовала. Мы ходили к ней с мамой Керри и миссис Браун, чтобы помочь.

– Вы очень добрые, – устраиваясь поудобнее, проговорила Дженни. – Помогли миссис Арчер, когда ей было нехорошо.

– Пожалуйста, пообещай мне кое-что, солнышко. Пообещай, что ты никогда-никогда не скажешь миссис Арчер, как видела – как будто видела – в окне ее дома маленькую девочку...

Дженни возмущенно выпрямилась.

– И вовсе не как будто, я не притворяюсь, – возразила она. – Мы часто ходим туда и смотрим на Макки. Это наша третья самая любимая игра.

Миссис Доусон начала было что-то говорить, но осеклась. Приложив щеку к затылку Дженни, она поинтересовалась:

– Почему вы зовете ее Макки?

Дженни тихо засмеялась.

– Один раз нам показалось, что мы увидели ее голову, только макушку, вот и назвали ее Макки. Мы сами придумали ей имя – Керри и я.

– Понятно, – кивнула миссис Доусон и весело продолжила: – Знаешь, милая моя девочка, если я не почищу картошку, и быстро, придет твой папочка и грозно скажет: «ГДЕ МОЙ УЖИН?», а если ужина не будет, то что он сделает, как ты думаешь?

– Отшлепает нас, – заливаясь смехом, предположила Дженни. – Отшлепает нас обеих.

Съехав с коленей матери, она приземлилась на пол и спросила:

– Мамоочка, а тебе было бы плохо, если бы я умерла, как Макки?

Миссис Доусон ласково коснулась кончика носа дочери.

– Да, Дженни. Мне было бы очень плохо.

– Кажется, меня зовет Керри, – сообщила Дженни, вскакивая на ноги. – С чего бы она пришла опять перед самым ужином?

Дженни торопливо пробежала через гостиную и открыла дверь.

– Привет, Керри.

– Я забыла у тебя Розабеллу Джемайму, – сказала Керри. – Вот и пришла забрать ее, чтобы она не простудилась, ведь уже поздно.

– Ты попросила маму пригласить Макки в гости?

– Да, но она сказала, что не сможет этого сделать. А ты свою маму попросила?

– Да, но она сказала, что не сможет. Попроси свою маму пригласить меня завтра к вам на обед.

– Ладно. А ты попроси пригласить меня завтра к вам домой на обед. Позвоним друг другу по телефону и все расскажем.

– Хорошо. Приноси с собой Розабеллу Джемайму, если она не простудится.

– Хорошо. До свидания, Керри.

– До свидания, Дженни.

Керри развернула кукольную коляску и покатила ее по дорожке.

– Послушай, – крикнула ей вслед Дженни. – Спроси свою маму!

– Спрошу. А ты спроси свою.

– Не забудь!

– И ты не забудь.

– До свидания, Керри.

– До свидания, Дженни.

– До завтра.

– До завтра.

– До свидания, Розабелла Джемайма.

– До свидания, Амелия Мариан.

– До свидания.

– До свидания.

Индейцы живут в вигвамах

Элм-стрит, 36
Вторник

«Дорогая мисс Грисволд!

Пишу вам, чтобы сказать, как я ценю вашу доброту. Ведь только благодаря вашей щедрости я и поселился в этой квартире. Каждый раз, возвращаясь домой и оглядывая мою маленькую комнату-с-половинкой, я думаю о вас и о том, что меня ждало, не поговори я с Тимми Ричардсом, и если бы Тимми Ричардс не был знаком с Евой Мартин, а Ева Мартин не связалась бы с Биллом Айрлендом, а Билл Айрленд не знал бы вас, то я бы до сих пор жил на Статен-Айленде с моей сестрой и ее детьми – и сразу же вспоминаю, как я вам благодарен. Жаль, что вы не видите квартиру сейчас. Конечно, все ваши вещи выглядели очень неплохо, и, наверное, мне бы никогда не украсить этот уголок так, как вы, но я взял на себя смелость убрать ваши оборочки, рюшечки, занавески и прочие штучки, расставил модели кораблей и развесил фотографии, сделанные в колледже, и теперь здесь просто шикарно. С вашими вещами, конечно же, ничего не случилось. Все в целостности и сохранности, ждет вас.

Да, и спасибо еще раз, я очень надеюсь, что вам нравится ваше новое жилье. Вам здорово с ним повезло, и как только пожелаете прислать за вашей мебелью, я тут же отправлю ее к вам и заберу мои вещи у Билла Айрленда, а он сможет перевезти свои от Тимми Ричардса, а Тимми возьмет свои у матери.

*Так что большое спасибо.
Всегда ваш,
Алан Берлингейм».*

Истерн-сквер, 101
Четверг

«Дорогой мистер Берлингейм!

Я очень рада, что вам нравится моя квартира, и, конечно же, просто счастлива, что мне удалось передать ее именно вам. Сама я еще не начинала как следует устраиваться на новом месте и потому не имею пока ни малейшей возможности послать за мебелью. Тем не менее, как только я окончательно оформлю договор субаренды, все устроится. У меня возникли некоторые разногласия с хозяином дома, поскольку мы не хотели сообщать ему, что я намереваюсь отдать квартиру в субаренду, кажется, он рассчитывал поселить в ней свою тетушку, если не ошибаюсь, так что пока я нахожусь здесь не совсем легально. А потому буду вам безмерно признательна, если вы не станете адресовать переписку мне лично, как в прошлый раз. Направляйте корреспонденцию Таттлам – это фамилия жильцов, у которых я арендую квартиру. А лучше – звоните по телефону, если возникнут какие-нибудь проблемы. Номер значится в телефонной книге под фамилией Дж. Т. Малоуни, так зовут тех, у кого сняли квартиру Таттлы. Конечно же, никому не хотелось перерегистрировать телефон на другое имя – хозяин вовсе не был бы рад узнать, что Таттлы сняли квартиру у Малоуни.

Собственно говоря, сейчас здесь только телефон и я. Мне удалось пронести под плащом два одеяла, в которые я и закутываюсь ночью, а зубную щетку я спрятала в дамской сумочке. Еще у меня есть полотенце и кусочек мыла – и больше ничего. Таттлы постепенно вынесли мебель и увезли все в багажнике автомобиля, прикрыв ковриками. Вчера забрали кровать, и дворник едва не застучал нас, когда мы вытаскивали пружинный матрас по черной лестнице.

Если вдруг придумаете, как доставить ко мне хотя бы складной стул, буду очень признательна.

*Искренне ваша,
Мариан Грисволд».*

Элм-стрит, 36
Понедельник

«Дорогая мисс Грисволд!

Мне очень жаль, что вам приходится терпеть такие неудобства. Я был бы счастлив отправить вам всю вашу мебель хоть сию минуту, поскольку друзья считают, что спать на постели с розовым балдахином и класть часы и мелкие монеты на тумбочку с кисейными крыльшками, или как там это называется, по меньшей мере странно. Я наконец-то обнаружил телефонный аппарат под куклой, куда вы его спрятали, и непременно позвонил бы, вот только телефонная книга удерживает в равновесии ванну вместо одной из ножек, и я просто не рискую ее перемещать. А еще я был бы счастлив, если бы вы забрали из шкафа вашу одежду: во-первых, мне нужно куда-то вешать свою, и, во-вторых, моя тетушка, которая принесла вчера шоколадный торт и решила повесить в шкаф пальто, очень удивилась, и я был вынужден в подробностях ей объяснять, что у нас происходит. Не могли бы вы разрешить эту ситуацию?

*С уважением,
Алан Берлингейм».*

Истерн-сквер, 101
Среда

«Дорогой мистер Берлингейм!

Мне достаточно трудно выходить из квартиры и возвращаться обратно и без тумбочки с кисейной накидкой. Если вам так не нравится тумбочка, отодвиньте ее. Мне приходится подниматься по лестнице очень осторожно, прячась в тени на каждой площадке. Я не хочу, чтобы меня заметили и выдали хозяину дома. Я вручила дворнику пять долларов и сказала, что приехала к Таттлам в гости, а они не выходят, потому что все сразу заболели гриппом. Полагаю, дворник знает, кто здесь живет – ведь он видел в лифте стулья от гостинного гарнитура и меня, когда я тащила складную кровать. Правда, я объяснила, что кровать мне нужна, поскольку у Таттлов нет лишней, и дала ему пять долларов.

В любом случае у меня есть крыша над головой, а завтра или послезавтра я заведу себе и кофейник. Как только я сообщу хозяину квартиры, что Таттлы съехали, и теперь здесь живу я – сразу же пришлю за мебелью.

*Искренне ваша,
Мариан Грисволд».*

Агентство недвижимости
«Шах, Асмодей, Баал и Ко»

«Уважаемая миссис Таттл!

В отношении квартиры за номером 3С, расположенной по адресу Истерн-сквер, 101 и находящейся в вашем распоряжении согласно договору субаренды, оформленному мистером Дж. Т. Малоуни, мы, как ни жаль, вынуждены сообщить, что ваш договор субаренды в отношении квартиры 3С по Истерн-сквер, 101 более не действителен, и мы просим вас освободить названную жилплощадь к 1 октября текущего года, поскольку именно в этот день истекает срок вашего договора субаренды. С сожалением сообщаем, что в случае, если упомянутая квартира

не будет освобождена к указанной дате, мы направим вам первое предупреждение в рамках уведомления о выселении.

*Всегда сердечно ваши,
Б. Х. Шах, исполнительный вице-президент».*

Истерн-сквер, 101
Понедельник

«Дорогая Хелен!
Я получила вот это письмо. Что мне делать?
Я в отчаянии.

Мариан».

Мартин-лейн, 95
Среда

«Дорогая Мариан!

Держись, сколько сможешь. У нас достаточно собственных хлопот. Похоже, хозяин нашей новой квартиры ненавидит детей, а какой-то старый хрыч пожаловался на трехколесный велосипед Бутча, который мы оставили в коридоре, но вообще-то они сами виноваты – в коридорах так темно! Хозяин жутко разозлился. В общем, поступай как знаешь, но квартиру не отдавай, может, мы еще вернемся.

*Всего хорошего,
Хелен».*

Элм-стрит, 36
Четверг

«Дорогая мисс Грисволд!

Мне очень жаль вас беспокоить по такому поводу, однако дама в квартире этажом ниже уверяет, что вы должны ей 1 доллар и 65 центов за бандероль с оплатой по факту доставки, которую она получила в ваше отсутствие, а вы так и не вернули ей долг. Я пытался дать ей ваш новый адрес, но она потребовала наличные, и я дал ей доллар и шестьдесят пять центов, в результате чего оказался в весьма стесненных обстоятельствах, поскольку у сестры за квартиру я платил значительно меньше, чем здесь. Буду весьма благодарен, если вы вышлете мне потраченную сумму как можно скорее. Кроме того, нижняя полка вашего книжного шкафа отвалилась, и я попытался поставить ее обратно, но особенно не преуспел. И еще, к сожалению, я прожег дыру в кофейном столике.

Как у вас дела на новом месте? Я знаю, где арендовать машину, чтобы перевезти ваши вещи, и буду рад доставить их к вам в любое время.

*С уважением,
Алан Берлингейм».*

Четверг

«Дорогая мисс, приходил хозяин и заставил меня впустить его в квартиру 3С. Он хотел убедиться, что квартиранты съехали, а потому вот ваши пять долларов. – я не смог отказать хозяину.

Чарльз Э. Мерфи (сторож)».

Агентство недвижимости
«Шах, Асмодей, Баал и Ко»

«Уважаемая миссис Таттл!

Благодарю вас за столь стремительный отъезд, последовавший сразу же по получении моего письма. Нам остается лишь побеспокоить вас в связи с оплатой аренды за последний месяц на сумму 65 долларов и 75 центов.

*С самыми сердечными пожеланиями,
Б. Х. Шах».*

Истерн-сквер, 101
Пятница

«Уважаемый мистер Шах!

Вас ввели в заблуждение. Семья Таттл переехала, и я заняла эту квартиру с их разрешения. Прилагаю к письму мой чек на оплату аренды за текущий месяц. Каждый разумный человек имеет право на крышу над головой. Индейцы живут в вигвамах, эскимосы – в иглу, собаки – в будках, а я – здесь.

*С уважением,
Мариан Грисволд».*

Агентство недвижимости
«Шах, Асмодей, Баал и Ко»

«Уважаемая мисс Грисволд!

Прилагаю к данному письму ваш чек на оплату аренды за квартиру 3С по адресу Истерн-сквер, 101, поскольку мы его возвращаем. Если вас интересуют возможности аренды собачьей будки или иглу, я предлагаю вам обратиться в агентство недвижимости, которое занимается такими помещениями. Наша компания работает только с квартирами, а поскольку вы не являетесь лицом, легально проживающим в квартире по Истерн-сквер, 101, то и арендную плату вносить не имеете права. Так как вы полагаете себя лицом, легально проживающим в данной квартире, можете считать это письмо первым предупреждением о выселении.

*С самыми сердечными пожеланиями,
Б. Х. Шах».*

Истерн-сквер, 101
Среда

«Дорогой мистер Берлингейм!

Прошу вас как можно скорее перевезти мне мою мебель и прочие вещи. Я намереваюсь оставаться в этой квартире до тех пор, пока джентльмен по имени Б. Х. Шах не явится сюда лично и не вынесет меня на руках на улицу, а осуществить это будет потруднее, чем ему кажется, – я не из тех, кого легко снести вниз на три лестничных пролета.

*С уважением,
Мариан Грисволд».*

Элм-стрит, 36
Четверг

«Дорогой Билл!

Пожалуйста, привези мои вещи. Я наконец-то вскоре отделаюсь от барахла этой дамочки, которое занимает все место.

Благодарение небесам.

Ал.».

Оливер, 10

Пятница

«Дорогой Тимми!

Прости, боюсь, мне очень скоро понадобится моя мебель и прочие пожитки. Ал хочет, чтобы я перевез его вещи к нему, поскольку у него там освобождается место от мебели, которую оставила в квартире та девушка.

Билл».

Джонс-стрит, 1249

Суббота

«Дорогая мама, не могла бы ты как можно скорее выслать мою кровать, стулья и прочие вещи, которые ты когда-то собиралась мне передать? Дело в том, что парень – владелец мебели в квартире, где я живу, все забирает. Если не затруднит, пришли и маленький радиоприемник. Скоро напишу еще.

С любовью,

Тимми».

Истерн-сквер, 101

Понедельник

«Дорогой мистер Шах!

Снова прилагаю к письму чек за проживание в этой квартире в прошлом месяце. Я говорила с миссис Таттл, и она полагает, что ее договор субаренды дает ей право оформить собственную субаренду, хоть и не позволяет открыть овощную лавку на тротуаре, держать пересмешников или рекламировать услуги прорицателей в окнах, выходящих на улицу. Считайте, что я живу здесь по договору субаренды, и оставьте себе чек.

С уважением,

Мариан Грисволд».

Агентство недвижимости

«Шах, Асмодей, Баал и Ко»

«Уважаемая мисс Грисволд!

Прилагаю к письму ваш чек на сумму 65 долларов и 75 центов – арендную плату за прошлый месяц за квартиру 3С по адресу Истерн-сквер, 101. Поскольку вы не являетесь лицом, легально проживающим в данной квартире, с нашей стороны будет неправильно с юридической точки зрения принять ваш чек. Миссис Таттл ошибается. Заключенный ею договор субаренды позволяет ей держать птиц-пересмешников, но не дает права сдавать квартиру в субаренду другому лицу.

С самыми сердечными пожеланиями,

Б. Х. Шах

P. S. Прошу считать это письмо вторым предупреждением о выселении».

Истерн-сквер, 101

Пятница

«Дорогой мистер Шах!

Поскольку я не являюсь лицом, легально проживающим на данной площади, вы никак не можете меня выселить. Вы также не в силах выселить миссис Таттл, которая является лицом, легально проживающим в этой квартире, поскольку она здесь более не живет. Если вы не примете мой чек за аренду, то не получите денег ни от кого, поскольку не сможете сдать жилье, пока здесь я, а выселить меня, чтобы сюда въехал кто-то еще, не сумеете. Миссис Таттл не станет платить за эту квартиру, поскольку она здесь не живет.

*С уважением,
Мариан Грисволд».*

Мартин-лейн, 95

Пятница

«Мариан, дорогая моя!

Мне несказанно жаль, но похоже, мы возвращаемся в старую квартиру. Нас с Бутчем совершенно не желают здесь видеть, к тому же наша собака, как выяснилось, тоже всех раздражает. Мы решили, что спорить со всеми из-за старой квартиры, которая нам не очень-то и нравится, бессмысленно, и теперь возвращаемся. Мне, правда, весьма жаль, ведь тебе придется переехать, но ты же все понимаешь, да?

*С любовью,
Хелен».*

Агентство недвижимости

«Шах, Асмодей, Баал и Ко»

«Дорогая мисс Грисволд!

Я не жестокосердный человек, и несмотря на то, что работа в сфере недвижимости требует порой безжалостного отношения к конкурентам, я прошу вас понять: это происходит лишь потому, что такова наша работа, и мы часто производим впечатление неприятных и жестокосердных. Случись мне выгнать на улицу, в лапы голода, юную девушку, я потерял бы сон. Я вовсе не жестокосердный человек, и вы можете и дальше жить в квартире, которую заняли. Будьте любезны отправить мне чек в уплату аренды за предыдущий месяц проживания в квартире 3С по адресу Истерн-сквер, 101, и еще один чек в уплату аренды за следующий месяц, а также подписанное заявление, в котором пообещаете не сдавать эту квартиру в суб-суб-суб-аренду, не заводить собак и детей, не вешать на стенах картины, не шуметь понапрасну, не разбрасывать мусор в коридоре, не перекрывать лестницу, не занимать слишком надолго лифт, а также не царапать полы, не сдавать комнаты за плату и не открывать в данной квартире предприятие с целью получения выгоды. Как я уже упоминал, я вовсе не жестокосердный человек и просто не смог бы спать спокойно, если бы мне пришлось выселить вас на улицу силой.

*С сердечнейшими пожеланиями,
Б. Х. Шах».*

Истерн-сквер, 101

Вторник

«Дорогой мистер Берлингейм!

Мне очень неприятно сообщать вам об этом, но я скоро возвращаюсь в свою старую квартиру, хотя здесь все только-только наладилось. Знакомые, у которых я сняла это жилище,

возвращаются, поскольку не могут оставаться на новом месте с ребенком. Так что не привозите мне мебель. Скорее всего, я вернусь на следующей неделе.

*С уважением,
Мариан Грисволд».*

Элм-стрит, 36
Среда

«Дорогой Билл!
Ничего не привози. Мадам возвращается.

Ал.».

Оливер, 10
Четверг

«Дорогой Тимми!
Мебель мне еще какое-то время не понадобится. Дамочка возвращается, и Ал съезжает.

Билл.».

Джонс-стрит, 1249
Пятница

«Дорогая мама!
Оставь мебель у себя. Надеюсь, ты ее еще не отправила, мне она пока не нужна. Скоро напишу снова.

*С любовью,
Тимми.».*

Элм-стрит, 36

«Дорогая Фелиция!

Уверен, ты простишь, что я задаю тебе этот вопрос таким образом, ведь ты обязательно меня поймешь и вспомнишь, как я теряюсь рядом с тобой и не нахожу в себе храбрости заговорить. Мои чувства давно для тебя не тайна, я знаю, и если по счастливой случайности ты относишься ко мне так же, как я к тебе, это было бы просто великолепно.

Не будешь ли ты так добра стать моей женой? Некоторое время, пока не подыщем квартиру, нам придется пожить с твоими родными, но, как ты знаешь, у меня хорошая должность с отличными перспективами, и я посвящу свою жизнь тому, чтобы ты ни в чем не нуждалась и жила в покое и уюте, ну и, конечно же, мы некоторое время сэкономим на оплате аренды.

Прошу, ответь как можно скорее. Ты сделаешь меня счастливейшим из смертных.

*Всегда твой,
Алан.».*

Мартин-лейн, 95
Понедельник

«Дорогая Мариан!

Случилось невероятное, и я сейчас все тебе расскажу. Ты знаешь, нас буквально вышвырнули из квартиры, и, честно говоря, я была в отчаянии, но в прошлое воскресенье мы поехали в Коннектикут, навестить Еву Кроули и ее нового мужа, ты же помнишь Еву, правда? Ну ту, с потрясающими локонами, да? И что же ты думаешь? По совершенно невероятному стече-

нию обстоятельств мы обнаружили восхитительный коттедж на продажу. Не буду утомлять тебя подробностями, мы собрали все наличные, какие только нашлись у нас с собой, внесли их в счет первого взноса за этот дом и переезжаем на следующей неделе. Как тебе новость? В коттедже четыре комнаты, и, конечно, надо будет кое-что отремонтировать, почистить сантехнику и всякое такое, починить угол крыши – с этим Билл справится по вечерам, после работы. Ведь ему на службу теперь придется ездить гораздо дальше, зато вокруг дома почти целый акр земли и прелестнейшие старые деревья, и я буду возить Билла каждое утро на станцию и встречать его по вечерам, а днем смогу красить стены и клеить обои. Коттедж стоил нам всего шестнадцать тысяч, а первый взнос просто смехотворный. Остальной кредит, как нам сказали милейшие люди в банке, мы сможем выплачивать хоть до скончания века, если на то пошло. Ну как, уже завидуешь нашей жизни в провинции? Приезжай в гости, когда захочешь, и мы здорово повеселимся, заодно и домик приведем в порядок. Убегаю – сегодня мы подписываем все документы на покупку коттеджа.

*С любовью,
Хелен».*

Истерн-сквер, 101
Вторник

«Дорогой мистер Берлингейм!
Если вам все еще нужна моя квартира, можете в ней жить. Мне только что улыбнулась фортуна.

*С уважением,
Мариан Грисволд».*

Элм-стрит, 36
Среда

«Дорогой Билл...»

Оливер, 10
Четверг

«Дорогой Тимми...»

Джонс, 1249
Пятница

«Дорогая мама...»

Арден-корт, 16
Суббота

«Дорогой Алан!

Не могу высказать, как я польщена и счастлива получить твое письмо, и, наверное, ты всегда знал, каков будет мой ответ, когда ты наконец соберешься с силами задать свой вопрос. Конечно, я выйду за тебя замуж, мне кажется, это просто замечательно!

Мама и папа тоже очень рады, а папа сказал, что раз уж теперь все дети женились и вышли замуж, то пора им с мамой возвращаться в Калифорнию, как они всегда и хотели. Они оставляют нам квартиру и почти всю мебель – их свадебный подарок. Хотя двенадцати комнат,

наверное, и многовато, зато будет где устраивать шикарные вечеринки. Мама приглашает тебя завтра на ужин. Приходи, и мы все обсудим.

*С любовью,
Твоя Фелиция».*

Жаркое солнце на Бермудах

Это было первое обманчивое лето в завершение учебного года в колледже, то самое время, когда все зеленеет, небо наконец-то становится по-настоящему синим, яблоневые деревья обсыпает бледно-розовыми цветами, университетские здания под высоким небом кажутся старыми, пыльными и красно-коричневыми. Через неделю, быть может, снова пойдет снег. Погода в это время предательски непредсказуема: все начинается с вечеринок с танцами и помолвок перед торжественным вручением дипломов, а заканчивается в жаркой волне сонного летнего зноя, когда сдают выпускные экзамены и вымучивают заключительные слова курсовых работ.

Была суббота. Кейти Коллинз все утро провела на солнце, старательно подставляя лучам длинные ноги и гладкую спину. К осени ее кожа приобретет сногшибательно бронзовый оттенок, и белые вечерние платья будут смотреться на ней великолепно. Пересекая университетский городок, Кейти разглядывала свои ноги, все еще слегка загорелые с прошлого года и чуть покрасневшие под утренним солнцем. «Надо бы завести черный купальник, – думала Кейти, – без бретелек, раздельный, и пусть мужчины свистят мне вслед, когда я буду гулять по пляжу». Вообразив свистящих мужчин, она улыбнулась. Горячее солнце, горячий песок. Всего через месяц она будет плавать, играть в теннис, танцевать, ходить под парусом. От этих мыслей солнце будто засияло ярче. «Или зеленый, – подумала она, – можно выбрать зеленый-презеленый купальник, зеленый мне идет».

На Кейти были желтые шорты, в тон солнцу, и она чувствовала себя очень уместно среди лужаек и деревьев. Шагая по университетскому городку, Кейти вдруг подумала, что следующей весной, в отличие от этой весны, и от прошлой весны, и от позапрошлой весны, она будет где-нибудь совсем в другом месте. Возможно, замужем. «Мне же нужно выйти замуж, когда я получу диплом, девушкам вроде меня опасно оставаться в одиночестве». Она снова улыбнулась, оглядывая тихий кампус. Вокруг все учились, или принимали солнечные ванны, или лежали на траве, попивая колу, – по дорожке шла только Кейти.

«Может быть, я и не поеду домой, – думала она, – отправлюсь на медовый месяц куда-нибудь на Бермуды». Кейти рассмеялась, представив себя под жарким солнцем на Бермудах, пока ее друзья доучиваются в колледже.

Высокая, длинноногая, она в одиночестве шагала мимо зданий и деревьев туда, где заканчивалась зелень лужаек и начинался спуск к ручью. Кейти шла вдоль течения, пока не увидела небольшое одноэтажное строение на самом берегу, поодаль от деревьев. Тогда она замедлила шаг, постояла, глядя на воду, положила руки в карманы и неторопливо пошла вперед, пока что-то вдаль не привлекло ее внимания. Оказавшись у самого здания, она сказала: «Привет!» Подождав минуту, подошла ближе и настойчиво забарабанила в окно рядом с дверью.

– Привет! – снова произнесла она.

Спустя еще минуту в замке повернулся ключ, и дверь открылась.

– Ну как, заждался? – весело спросила Кейти. Она подошла к порогу и остановилась, с улыбкой глядя на кого-то. – Скучал?

– Входи скорее, пожалуйста, – ответил мужчина.

– Здесь никого нет, – сказала Кейти, но все же вошла и закрыла дверь.

Сквозь большие окна студию заливал свет, и в этот солнечный день на всем лежал особый бледный отблеск, отчего оттенки на развешанных по стенам картинах менялись, а холст на мольберте – натюрморт с яблоком, книгой и медным подсвечником – сиял по-новому. Кейти подошла к скамье у стены и села, вытянув ноги.

– Я так устала, – вздохнула она. – Бежала почти всю дорогу.

– А по-моему, прогуливаясь по тропинке, ты вовсе не торопилась.

Кейти рассмеялась, довольно разглядывая свои длинные ноги.

– Я пошутила.

– Ты даже не взглянула на картину, – заметил он.

Кейти лениво встала и подошла к натюрморту на мольберте.

– Хорошеет с каждым днем, как и ты. – Обернувшись, девушка смерила мужчину критическим взглядом. – Только ты очень грустный.

Она по-детски потянула мужчину за рукав вельветовой куртки, и он, мельком взглянув на Кейти, снова перевел взгляд на картину.

– Разве у меня есть причины веселиться? – Он кивнул на холст на мольберте. – Я весь день работал.

– Выглядит потрясающе, – сказала Кейти. – Нет, правда, отличная картина.

Мужчина устало потер высокий лоб. Когда он улыбнулся, его лицо приняло еще более беспомощное выражение, как будто он намеренно хотел выглядеть мрачным и беспомощным. Взяв ее за руку, он произнес:

– Мне очень нужно было тебя увидеть.

– И вот я здесь, – ответила Кейти. – И картина в порядке. – Положив руки в карманы, она медленно обошла комнату. – А ты здесь кое-что поменял. – И когда ответа не последовало, резко добавила: – Питер, очнись! Я сказала: «Ты здесь кое-что поменял».

– Я подумал, что «Настроение» будет лучше смотреться в центре. Привлечет внимание.

Он так и стоял с беспомощным видом возле мольберта, глядя, как Кейти остановилась перед картиной, которую он назвал «Настроение». На картине была изображена девушка, сидящая у окна. Очень красивая девушка с длинными темными волосами, струящимися по спине. На ней было белое платье, и она любовалась луной.

– Потрясающе здесь смотрится, – подтвердила Кейти. – Просто шикарно. – Не оборачиваясь, она рассмеялась. – Ты вчера опоздал на ужин?

– Не очень.

– Она обиделась?

– Кейти, – отчаянно произнес он, – ради бога, перестань ходить кругами и поговори со мной. – Его голос замер. – Я не знаю, что делать.

– Бедняга Питер, – сказала Кейти, затем подошла к нему и повела за руку к скамье. – Бедняга Питер, – повторила Кейти. – Она тебя измучила.

Опустив голову на руки, он проговорил дрожащим голосом:

– Иногда мне кажется, я больше не могу этого вынести. Как же быть?

– Не переживай так. – Она снова нетерпеливо встала и полезла в карман шорт за сигаретой. Закурив, подошла к мольберту и произнесла, глядя на картину: – Не обращай на нее внимания.

– Если она не оставит меня в покое...

Подавшись вперед, Кейти нахмурилась.

– Почему вот здесь все синее? На уроке ты объяснял...

Он поднял голову.

– Я хотел посмотреть, как получится. Это вроде отклонения от основной цветовой гаммы для более сильного эффекта. – Он вздохнул. – Похоже, вышло ужасно.

– Сойдет, – возразила Кейти.

Не в силах устоять на месте, она отошла от мольберта и двинулась вдоль стены, бросая безразличные взгляды на знакомые картины: натюрморты из книг, ваз, скрипок, фарфоровых кошек, портреты его детей, редкие работы в стиле абстракционизма в красных и желтых тонах, пейзаж с покосившимся амбаром, красивую темноволосую девушку по колена в воде, залитой лунным светом, и снова красивую темноволосую девушку, собирающую цветы при луне.

– Я встретила ее сегодня утром на кампусе, и она не сказала мне ни слова.

Он хмуро, не отрываясь, смотрел на картину.

– Хотелось добавить оттенков. Показалось, вдруг синий подойдет.

– Я чуть было не дала ей пощечину, – заявила Кейти. – Этой старой потрепанной ведьме.

– Не говори так, – попросил он.

– Прошу прощения, – церемонно извинилась Кейти. – Совсем забыла, что она твоя жена.

Хорошо сохранившаяся старая ведьма. – Девушка рассмеялась, и мужчина неохотно улыбнулся. – Не кисни. Не позволяй ей себя мучить. – Вернувшись к мольберту, она заявила: – Замечательная картина, просто блеск, честное слово.

– Я очень старался, для тебя, – ответил он. – Увы, я всего лишь третьеразрядный художник. – Помолчав, он добавил: – Если бы я мог, то обязательно сделал бы лучше.

Кейти бросила сигарету на пол и придавила туфелькой.

– Не хочу ее злить. Она может выкинуть меня из колледжа, если как следует разозлится.

– Она ждет, когда ты получишь диплом. – Он устало направился к мольберту, глядя на картину и нащупывая кисти и палитру. – Говорит, всего две-три недели, и я больше никогда тебя не увижу.

– Надеюсь, она не закатит скандал, – проговорила Кейти.

Он принялся осторожными мазками наносить на картину штрихи.

– Я позволил ей думать, что больше тебя не увижу.

– Как бы мне хотелось встретиться с тобой на пляже, – сказала Кейти.

– Не знаю. – Он с сомнением скривил губы. – Возможно, она уедет куда-нибудь с детьми.

– Да, конечно, но у меня тоже есть семья и друзья. Может, увидимся в Нью-Йорке или где-то еще.

– В Нью-Йорк мне выбраться нетрудно. Я же говорил, что в Нью-Йорк приехать смогу.

– Посмотрим, как все сложится, – кивнула Кейти. Направляясь к окну возле двери, она обронила: – Жара сводит меня с ума. Давай прогуляемся, пройдем вдоль ручья.

– Сегодня слишком людно, – ответил он. – Вдруг она насторожится.

– Ох, господи, – вздохнула Кейти. – Ты бывал на Бермудах? – Она раздраженно постучала кончиками пальцев по оконному стеклу. – Мне бы хотелось отправиться на Бермуды.

– Отойди от окна, – попросил он. – Тебя не должны здесь видеть.

Кейти, нарочито топая, вернулась к скамье и села, поджав ноги и обняв колени руками.

– Долго тебе дописывать картину?

– Пару дней.

– Полно времени. Она не понадобится мне до пятнадцатого мая.

– Я еще поработаю. Пока не совсем доволен.

– А мне нравится, – сказала Кейти. – Какая разница – лишь бы получить диплом. Никто не ожидает от меня гениальных работ. – Зевнув, она встала. – Пойду.

Он с удивлением оторвался от мольберта.

– Я думал, ты побудешь со мной.

– Я побыла, – ответила Кейти. – От меня все равно никакой пользы. – Взявшись за ручку двери, она послала ему одним пальцем воздушный поцелуй. – Работай как следует. Увидимся в понедельник, на занятии.

– Кейти, послушай, – отчаянно заговорил он, когда она открыла дверь. – Что мне ей сказать? – Он стоял неподвижно, безвольно опустив плечи, и встревоженно смотрел на девушку. – Придумай что-нибудь.

– Скажи ей... – Кейти прикусила губу. – Знаешь, – наконец решила она, – скажи, что я никогда не причиню ей зла. – Она улыбнулась и помахала ему рукой. – Пока.

Выскользнув наружу, Кейти мягко прикрыла за собой дверь. Не успела она отойти на несколько шагов, как в замке щелкнул, поворачиваясь, ключ.

«Можно подумать, кому-то есть до этого дело, – размышляла она, шагая вдоль ручья. – Кто знает, вдруг следующей весной я буду в Париже. – Снова пересекая университетский городок, она подумала: «А если выбрать красный купальник, красный, как мак?» – И громко рассмеялась. – «Господи, – подумала она, – да меня будет видно за целую милю».

Ночной кошмар

Это было весеннее утро. Шел март. Небо между зданиями ярко синело; миллионы моторов и дыханий подогревали городской воздух, в нем витали ощущение свежести и то особое волнение, которое может принести только легкий ветерок откуда-то издалека, проникая в город ночью, когда все спят, чтобы освежить утро. Мисс Тони Морган, направляясь от станции метро к конторе, натянула на лицо ласковую улыбку и позволила ей там и остаться, пока бодро постукивала каблучками по тротуару. На мисс Морган красовались ярко-синяя шляпка с озорным пером, синий деловой костюм и пальто из твида в красно-серую клетку. Туфли тоже были синие с тонкой красной полоской у самой подошвы, с заостренными носами, и ступала она в них не очень ловко. В руках мисс Морган держала дамскую сумочку с позолоченными инициалами, а перчатки на ней были темно-синие с красными пуговицами. Когда она вошла в двери высокого административного здания, полы твидового пальто закрутились вокруг ее ног. Поднявшись в контору на шестом этаже, она любовно сняла пальто и аккуратно повесила его в шкаф, положив шляпку и перчатки на полку сверху. Мисс Морган вообще все делала очень аккуратно и за рабочий стол опустилась ровно в девять часов, прочла страницу в блокноте с планом на день, оторвала лист календаря, расправила плечи и выверенно улыбнулась. Когда в половине десятого пришел ее начальник, она уже деловито печатала и, подняв на мгновение голову, с улыбкой произнесла: «Доброе утро, мистер Ланг», и еще раз улыбнулась.

Без двадцати десять позвонила мисс Фишман, молодая женщина, работавшая в той же конторе и занимавшая стол на противоположной стороне комнаты, и сообщила, что заболела и не сможет прийти на работу. В половине первого мисс Морган пошла пообедать в одиночестве, поскольку мисс Фишман не было. Она купила в кафе чашку чая и сэндвич с беконом, помидором и листиком салата и вернулась в контору, чтобы закончить письмо. Во время обеденного перерыва она не заметила ничего странного – обычная рутина, как и все шесть лет, что она работала у мистера Ланга.

В двадцать минут третьего, согласно часам в конторе, мистер Ланг вернулся, пообедав, и с порога осведомился:

– Кто-нибудь звонил, мисс Морган?

Мисс Морган улыбнулась и ответила:

– Никто не звонил, мистер Ланг.

Мистер Ланг удалился в свой кабинет, и до пяти минут четвертого не было никаких звонков. И тогда мистер Ланг вышел с большой коробкой, упакованной в коричневую бумагу и перевязанной самой обычной крепкой веревкой.

– Мисс Фишман здесь? – спросил он.

– Она больна, – с улыбкой ответила мисс Морган, – и сегодня не придет.

– Черт, – выругался мистер Ланг. Он с надеждой оглянулся. Стол мисс Фишман пустовал, все предметы застыли в полном порядке, и мисс Морган молча ему улыбалась. – Нужно доставить эту посылку, – сказал он. – Непременно. – Мистер Ланг смотрел на мисс Морган так, будто никогда прежде ее не видел. – Не слишком ли обременительная просьба?

Мисс Морган вежливо выслушала его, стараясь понять вопрос, и через минуту ответила, очень четко выговаривая слоги:

– Ничуть не обременительная.

– Вот и хорошо, – искренне обрадовался мистер Ланг. – Адрес на бирке. Это довольно далеко. В центре. Вы доберетесь без проблем. Скорее всего... – он взглянул на часы, – примерно за час успеете туда и обратно. Отдайте посылку лично мистеру Шаху. Не секретарям. Если его не будет на месте, подождите. Если не будет в конторе, отправляйтесь к нему домой.

Позвоните мне, если задержитесь дольше часа. Черт бы побрал мисс Фишман! – высказался он напоследок и ушел в кабинет.

В конторских помещениях на шестом этаже трудились подчиненные мистера Ланга, все они были всегда готовы и счастливы выполнить его поручения. Мисс Морган и мисс Фишман работали в приемной, обеспечивали первую линию защиты в крепости мистера Ланга. Мисс Морган бросила настороженный взгляд на закрытую дверь кабинета мистера Ланга и пошла к шкафу. Мистер Ланг оставался без защиты, зато у нее было красное пальто, наступила весна, а мисс Фишман, прикинувшись больной, наверняка сбежала за город к зеленым полям и цветущим лютикам. Мисс Морган надела шляпку перед зеркалом на внутренней стороне двери шкафа, застегнула красное пальто, взяла сумочку и перчатки и подняла коробку за прочную бечевку. Посылка оказалась неожиданно легкой. Направляясь к лифту, мисс Морган обнаружила, что без труда сможет нести коробку и сумочку одной рукой, а вот в автобусе с такой внушительной ношей будет не очень удобно. «Мистеру Рэю Шаху», – прочла она на бирке над названием улицы, о которой прежде не слышала.

В поисках неизвестного адреса она решила обратиться к газетчикам. Газетчики всегда все знают. Тот, который ей ответил, оказался особенно любезен, наверное, так на него подействовала весна. Выудив откуда-то красную книжку – путеводитель по Нью-Йорку, – он просматривал столбцы названий, пока не нашел улицу, о которой его спросили.

– Сядьте на автобус за углом, – сказал он. – Доедете вот сюда. Пересядете на автобус в центр, и вас довезут почти до цели. А там, скорее всего, придется пройти пешком. Вроде, это склад.

– Вероятнее всего, – рассеянно согласилась мисс Морган.

Она разглядывала плакат за спиной газетчика на внутренней стене киоска.

«Найдите мисс Х», – кричали с плаката красные буквы. «Найдите мисс Х. Найдите мисс Х. Найдите мисс Х». Слова повторялись снова и снова, каждая следующая строка набрана более мелким шрифтом, чем предыдущая, и другим цветом. Самую нижнюю строку прочесть было едва возможно.

– Кто такая мисс Х? – спросила мисс Морган газетчика.

Он бросил взгляд на плакат за спиной и, пожав плечами, ответил:

– Лотерея.

Мисс Морган направилась к остановке автобуса. Возможно, из-за плаката, который она случайно заметила, ее внимание привлек голос, доносившийся из фургона с громкоговорителем.

«Найдите мисс Х! Выиграйте норковое манто стоимостью двенадцать тысяч долларов и поездку на Таити. Найдите мисс Х!»

«Таити, – подумала мисс Морган, – неужели Таити?» Она быстро пошла по тротуару, а машина с громкоговорителем ехала по улице, призывая:

«Мисс Х, найдите мисс Х. Она ходит по городу совсем одна, найдите мисс Х. Подойдите к ней, узнайте ее и скажите: “Вы мисс Х”, и получите полный ремонт дома, выиграйте замечательные призы».

Автобуса видно не было, и мисс Морган подождала на углу, размышляя: можно бы и прогуляться, ведь погода прекрасная, а время есть. Она направилась вдоль по улице к следующей остановке, а полы ее пальто покачивались колоколом.

Фургон с громкоговорителем свернул за угол у нее за спиной, он ехал очень медленно, и мисс Морган обогнала его на целую минуту. Издалека доносился голос, обещавший «...косметические средства на год».

Теперь плакаты с мисс Х бросались ей в глаза повсюду, на каждом столбе. Все объявления были одинаковые, такие, как первое, которое она увидела в газетном киоске, со словами,

набранными разным шрифтом и разными цветами. Мисс Морган шла по людной улице, заглядывая в витрины, рассматривая украшения и изящные туфли. Она увидела шляпку, похожую на свою, в витрине магазина настолько дорогого, что на подставке, на шелковом оранжевом шарфе, красовалась лишь одна шляпка. «Моя почти такая же, – подумала мисс Морган, отворачиваясь, – и стоит всего четыре девянсто восемь». Она шла не торопясь, и фургон с громкоговорителем вскоре ее нагнал. Она услышала его издали – музыка, иногда военные марши, пробивалась через гудки такси и грузовиков. И опять зазвучали слова:

«Найдите мисс Х, найдите мисс Х. Выиграйте пятьдесят тысяч наличными. Мисс Х сегодня на улицах города, совсем одна. На ней синяя шляпка с красным пером, красно-серое твидовое пальто и синие туфли. У нее в руках синяя дамская сумочка и большая коробка. Слушайте внимательно. Мисс Х несет большую коробку. Найдите мисс Х, найдите мисс Х. Подойдите к ней и скажите: “Вы мисс Х”, и выиграйте новый дом в любом городе мира вместе с машиной и личным шофером, выиграйте все наши поразительные призы».

«В любом городе мира, – подумала мисс Морган, – я бы выбрала Нью-Йорк. Подарите мне дом в Нью-Йорке, а я продам его и куплю все ваши остальные призы».

Вспомнив о коробке, она вдруг подумала: ведь это я несу коробку. Мисс Морган попыталась взять посылку в руки, но та оказалась слишком громоздкой. Тогда она взялась за веревку и попыталась нести коробку как можно ближе к себе. «Наверное, в Нью-Йорке многие идут куда-нибудь с большими коробки, – подумала мисс Морган, – никто не обратит на меня внимания». Она посмотрела вперед, на следующую остановку на углу, раздумывая, стоит ли идти еще один квартал.

«Скажите: “Вы мисс Х”, – завопил рядом громкоговоритель, – и выиграйте великолепный приз. Личную яхту, полностью готовую к спуску на воду. Жемчужное ожерелье, достойное королевы. Мисс Х сегодня на улицах города, совсем одна. На ней синяя шляпка с красным пером, синие перчатки и темно-синие туфли».

«Господи боже мой, – подумала мисс Морган». Она остановилась и посмотрела на свои туфли – действительно, сегодня она надела синие туфли. Обернувшись, мисс Морган сердито уставилась на громкоговоритель. Фургон был выкрашен белой краской, а на боку алели слова: «Найдите мисс Х».

«Найдите мисс Х», – донеслось из громкоговорителя.

Мисс Морган пошла быстрее. На углу она смешалась с толпой пытавшихся сесть в автобус, но места всем не хватило, и двери захлопнулись прямо перед ней. Другого автобуса поблизости не было. Мисс Морган торопливо пошла дальше, к следующему углу. «Наверное, можно взять такси, – подумала она. – Этот клоун в фургоне потеряет работу». Свободной рукой она коснулась шляпки, убеждаясь, что та сидит как положено, под правильным углом, а волосы не растрепались. «Надеюсь, он действительно потеряет работу», – подумала она. Вот нашел занятие! Не удержавшись, мисс Морган взглянула через плечо, пытаясь узнать, куда пропал громкоговоритель, и с ужасом увидела, как он безмолвно тащится за ней следом. Стоило ей обернуться, как из фургона донеслось:

«Найдите мисс Х, найдите мисс Х».

«Ну, хватит», – сама себе сказала мисс Морган. Она застыла на тротуаре и огляделась, но люди проходили мимо, не обращая на нее внимания. Мужчина, который едва не врезался в нее, когда она внезапно остановилась, и то сказал лишь «извините» и, не оглядываясь, зашагал дальше. Фургон с громкоговорителем застрял в пробке, у самого тротуара. Мисс Морган подошла к нему и постучала по окну кабины.

Мужчина за рулем повернулся на стук.

– Я хочу с вами поговорить, – зловеще произнесла мисс Морган.

Водитель открыл дверь и устало посмотрел на нее.

– Вы что-то хотели? – спросил он.

– Я хочу знать, почему этот фургон меня преследует, – сказала мисс Морган.

Водитель ей не знаком, и она никогда его не увидит – эти мысли придали мисс Морган храбрости.

– Почему вы за мной следите? – добавив голосу резкости, поинтересовалась она.

– Я? – удивился водитель. – Послушайте, дамочка, я ни за кем не слежу. У меня есть маршрут. Видите? – Он показал ей грязный обрывок бумаги, и мисс Морган различила очерченные простым карандашом полосы с номерами, как у названий улиц, хотя издали цифр было не разглядеть. – Еду, куда сказано, – настойчиво повторил мужчина. – Ясно?

– Наверное, так и есть, – теряя уверенность в своей правоте, кивнула мисс Морган. – А почему вы описываете мою одежду? Синюю шляпку и так далее?

– Это не ко мне, – отмахнулся водитель. – Фургон наняли, и я еду, а что там в кузове – не мое дело.

Он показал на кузов, отделенный от кабины глухой стеной. Машины впереди тронулись с места, и мужчина поспешно добавил:

– Спрашивайте тех, кто в кузове. Мне не слышно, что там говорят.

Водитель захлопнул дверь, и фургон медленно поехал вперед. Мисс Морган стояла на краю тротуара, глядя ему вслед, а из громкоговорителя неслось:

«Мисс Х сегодня в городе совсем одна».

«Вот наглец, – подумала мисс Морган, вспоминая прошлые привычки, подавленные шестью годами работы у мистера Ланга, – вот чертов наглец». Она дерзко пошла следом за фургоном, держась чуть поодаль. «Так им и надо, – думала она, – если меня спросят: “Вы мисс Как-ее-там?” Я отвечу: “Конечно, это я, и вот ваш миллион долларов, идите, куда шли...”»

«В красном пальто, – надрывался громкоговоритель, – синих туфлях, синей шляпке».

Перекресток, к которому приближалась мисс Морган, был запружен машинами и пешеходами. Множество автомобилей ждали зеленого сигнала светофоров, и толпы людей ожидали своей очереди, чтобы перейти дорогу. «Постою-ка я на углу, – подумала мисс Морган, – а фургон пусть едет дальше». Она встала рядом со знаком «Остановка автобуса» и придала лицу бессмысленное выражение пассажира. Фургон проехал мимо. Когда он свернул за угол, из громкоговорителя прокричали:

«Найдите мисс Х, найдите мисс Х, возможно, она рядом с вами».

Мисс Морган беспокойно огляделась и обнаружила, что стоит рядом с плакатом, который начинался словами «Найдите мисс Х, найдите мисс Х», а дальше шли совсем другие строки: «Мисс Х СЕГОДНЯ на улицах Нью-Йорка. В синем: синяя шляпка, синие туфли, синие перчатки. Пальто из твида в красно-серую клетку. В РУКАХ У МИСС Х БОЛЬШАЯ КОРОБКА. Найдите Мисс Х и получите приз».

«О Господи всемогущий, – подумала мисс Морган, – всемогущий Господи». Ей в голову пришла ужасная мысль: вдруг на нее подадут в суд и посадят в тюрьму за то, что она оделась, как мисс Х? Что скажет мистер Ланг? Она ведь никогда не докажет, что выбрала одежду без всякого преступного умысла. Мисс Морган вспомнила, как утром, когда она пила кофе дома, в Вудсайте, мать ее предупредила: «Смотри, не замерзни, в газете пишут: к вечеру похолодает. Надень хотя бы пальто потеплее». Как же мисс Морган объяснит полиции, что ее опьянила весна, и она надела новое пальто вместо старого? Разве можно так доказать свою невиновность? Мисс Морган охватил леденящий ужас, и она торопливо зашагала, пытаясь поскорее убраться прочь. Теперь она замечала плакаты повсюду: на фонарных столбах, на стенах домов, на рекламных щитах у высотных зданий. «Надо что-то предпринять и прямо сейчас», – подумала она, идти домой переодеться времени не было.

Пытаясь выглядеть непринужденно, она стянула синие перчатки, свернула их и положила в сумочку. А сумочку спрятала за коробкой. Застегнула пальто на все пуговицы, стремясь скрыть синий деловой костюм, и подумала, что зайдет где-нибудь в дамскую комнату и

отцепит от шляпки перо. Они сами увидят, как мисс Морган пытается выглядеть иначе, и не станут ее осуждать. Впереди на тротуаре она заметила молодого человека с микрофоном, в синем костюме. Она, забавляясь, представила, как наденет на него синюю шляпку с пером, и он вполне подойдет под описание. Молодой человек пытался остановить прохожих, чтобы поговорить с ними о мисс Х.

– Вы мисс Х? – спрашивал он. – Простите, я имею в виду женщину в красном пальто, с коробкой в руках. Это вы мисс Х?

Люди шарахались. Когда он обращался к женщинам, некоторые с любопытством на него смотрели. Иногда ему удавалось привлечь какую-нибудь из них и задать вопросы о мисс Х, но по большей части они проходили мимо, не поднимая глаз, а мужчины, бросив на него всего один взгляд, отворачивались. «Он меня поймает, – в панике подумала мисс Морган, – он со мной заговорит. Она видела, как молодой человек вглядывается в толпу, говоря в микрофон достаточно громко, чтобы слышали спешащие прохожие:

«Мисс Х пройдет по этой улице, друзья, совсем скоро мисс Х пройдет по этой улице. Она сейчас пройдет здесь, может быть, вы подойдете к ней и спросите: “Вы мисс Х?” и получите восхитительные подарки, друзья: позолоченный чайный сервиз, целую библиотеку из десяти тысяч томов величайших книг и пятьдесят тысяч долларов. Только найдите мисс Х, друзья, найдите ее, она ходит по городу совсем одна, подойдите к ней и скажите: “Вы мисс Х”, друзья, и призы – ваши. Мисс Х застегнула пальто на все пуговицы, чтобы никто не разглядел ее синий деловой костюм, и сняла перчатки. Холодает, друзья, давайте найдем мисс Х прежде, чем ее руки посинеют от холода».

«Он заговорит со мной», – подумала мисс Морган, подошла к краю тротуара и замахала руками, подзывая такси:

– Такси! – пронзительно кричала она. – Такси!

До нее доносился голос молодого человека с микрофоном, который повторял:

«Найдите мисс Х, найдите мисс Х».

Такси не остановились, и мисс Морган поспешила на другую сторону тротуара, поближе к стенам зданий, пытаясь проскользнуть мимо человека с микрофоном. Он увидел ее и проводил насмешливым взглядом, повторяя:

«Найдите мисс Х, ребята, найдите мисс Х, пока она не отморозила руки».

«Наверное, я схожу с ума, – подумала мисс Морган. – Я просто устала и в голову лезет не пойми что. На следующем углу возьму такси».

«Найдите мисс Х!» – завопил громкоговоритель рядом с ней у края тротуара.

«Она прошла мимо, – произнес в микрофон молодой человек у нее за спиной. – Она только что прошла здесь, друзья, она на этой улице, найдите мисс Х».

«Синяя шляпка, – заливался фургон с громкоговорителем, – синие туфли, в руках большая коробка».

Мисс Морган отчаянно ступила на проезжую часть, не глядя куда идет, пересекла улицу прямо перед громкоговорителем и подошла к мужчине с огромным плакатом, наклеенным на картон. Плакат гласил: «Мисс Х, мисс Х, найдите мисс Х. У НЕЕ В РУКАХ БОЛЬШАЯ КОРОБКА. Синие туфли, синяя шляпка, красное с серым твидовое пальто, С БОЛЬШОЙ КОРОБКОЙ В РУКАХ». Мужчина раздавал рекламные проспекты, прохожие отводили руки, и листки падали на тротуар. Мисс Морган наступила на один из них, и слова «Найдите мисс Х» заалели прямо под ее туфлями.

Когда она проходила мимо магазина дамских шляп, ей вдруг пришла в голову замечательная мысль, и мисс Морган скользнула внутрь, в тишину. В магазине не оказалось ни одного плаката, и она благодарно улыбнулась женщине, которая вышла ей навстречу. «Не много у них клиентов, – подумала мисс Морган, – раз выходят сразу же, как только кто-то войдет». К ней вернулся ее благовоспитанный голос, и она церемонно произнесла:

– Прошу меня простить, не будете ли вы так любезны предоставить мне шляпную сумку или шляпную коробку?

– Шляпную коробку? – растерянно повторила женщина. – Пустую?

– Я буду рада за нее заплатить, конечно же, – сказала мисс Морган и беззаботно рассмеялась. – Я решила снять шляпку и нести ее в руках, такая сегодня чудесная погода, но идти так со шляпкой глупо, и я подумала, может, у вас найдется сумка... или коробка...

– Еще одна коробка? – удивленно спросила женщина, рассмотрев в руках мисс Морган посылку.

Мисс Морган попыталась скрыть коробку за спиной и сказала чуть более нетерпеливо:

– Право, моя просьба не такая уж странная. Мне всего лишь нужна шляпная сумка или коробка.

– Что ж... – обронила женщина. Она зашла за прилавок, за которым у стены были сложены одна на другой шляпные картонки. – Видите ли, – продолжила она, – сейчас я в магазине одна, а посетители заходят разные, некоторым лишь бы доставить людям неприятности. С тех пор как мы открылись, по соседству случилось два ограбления, знаете ли.

Она смущенно взглянула на мисс Морган.

– Неужели? – хладнокровно осведомилась мисс Морган. – И как давно вы здесь обосновались, могу ли я поинтересоваться?

– Примерно... семнадцать лет назад. – Женщина сняла с полки коробку и вдруг предложила: – Не желаете посмотреть шляпки, раз уж зашли?

Мисс Морган собралась сказать «нет», но заметив красную с серым шляпку с козырьком, проговорила с легким интересом:

– Быть может. Позвольте примерить вот эту.

– Конечно, – ответила продавщица, снимая шляпку с манекена. – Одна из лучших моделей.

Мисс Морган присела перед зеркалом, а женщина надела на нее шляпку.

– Вам очень идет, – похвалила женщина, и мисс Морган довольно кивнула.

– Да, как раз подходит к красному пальто.

– С этим пальто следует носить именно красную шляпку, – подтвердила женщина.

Мисс Морган вдруг подумала, что скажет мистер Ланг, если узнает, как она примеряет шляпки, забыв о его поручении.

– Сколько я вам должна? – торопливо осведомилась она.

– Сейчас посмотрим, – сказала женщина. – Восемь девяносто пять.

– Слишком дорого за шляпку, – ответила мисс Морган. – Я возьму только коробку.

– Восемь девяносто пять вместе с коробкой, – резко добавила женщина.

Мисс Морган беспомощно смотрела в зеркало, переводя взгляд с женщины на коробку, которую оставила на прилавке. В сумочке у нее лежала купюра в десять долларов.

– Хорошо, – наконец решила она. – Упакуйте мою старую шляпу, и я пойду в новой.

– Вы не пожалеете, что купили именно эту шляпку, – пообещала женщина.

Она положила синюю шляпку в коробку и принялась завязывать бечевку.

– Сначала мне показалось, что вы пришли просто так и уйдете, ничего не купив. Знаете, бывают такие... С тех пор, как мы открылись, по соседству случилось две кражи.

Мисс Морган взяла шляпную коробку из рук женщины и протянула ей десятидолларовую купюру.

– Я тороплюсь.

Женщина скрылась за шторой в дальнем конце лавки и через минуту вернулась со сдачей. Мисс Морган сложила монеты в сумочку. «На такси туда и обратно не хватит», – отметила она про себя.

В новой шляпке, со шляпной картонкой, дамской сумочкой и еще одной коробкой в руках мисс Морган вышла на улицу под любопытным взглядом владелицы магазина. Автобусная остановка виднелась в полутора кварталах. Мисс Морган направилась прямо к ней и дошла почти до самого перекрестка, когда из переулка вдруг вынырнул фургон с громкоговорителем и огласил улицу воплем:

«Найдите мисс X, найдите мисс X и выиграйте чистокровного скакуна и замок на Рейне».

Мисс Морган одернула пальто. Ей бы только пересечь проезжую часть, а там и остановка, к которой скоро подъедет автобус – вот и он, всего в квартале от нее. Она решила достать из сумочки деньги на проезд, переложив обе коробки в одну руку, а из ползущего мимо фургона с громкоговорителем уже несло:

«Мисс X переделась, но все еще идет по улице нашего города. Найдите мисс X! Мисс X теперь в красной с серым шляпке, у нее в руках две коробки; не перепутайте: две коробки!»

Мисс Морган выронила шляпную картонку и сумочку. Присев, чтобы собрать выпавшую на дорогу мелочь, она старательно прятала лицо. Тюбик губной помады укатился в сточную канаву, пудреница разбилась, сигареты рассыпались и раскатились по асфальту. Мисс Морган собрала все, что смогла, развернулась и двинулась назад той же дорогой. Дойдя до аптеки, она вошла внутрь и направилась к телефонным будкам. Судя по часам на стене, с тех пор как она вышла из конторы, прошел уже час, а она преодолела лишь три или четыре квартала. Пристроив на полу обе коробки, мисс Морган набрала номер конторы. Ответил знакомый голос: мисс Мартин из кладовой или мисс Уолпол? Мисс Морган сказала:

– Соедините меня, пожалуйста, с мистером Лангом.

– Кто его спрашивает?

– Тони Морган. Мне необходимо срочно поговорить с мистером Лангом.

– Он отвечает на другой звонок. Будьте любезны подождать.

И мисс Морган подождала. Сквозь не слишком чистое стекло телефонной будки она видела очередь у автомата, где набирали газированную воду, хлопотливого продавца, и девушек-сотрудниц на высоких табуретах у прилавка.

– Алло? – нетерпеливо крикнула в трубку мисс Морган. – Алло? Вы меня слышите?

– С кем вас соединить? – спросил другой голос, возможно, отвечала мисс Киттеридж, из бухгалтерии.

– С мистером Лангом, пожалуйста, – настойчиво проговорила мисс Морган. – Это очень важно.

– Одну минуту, пожалуйста.

Снова наступила тишина. Мисс Морган ждала. Спустя несколько минут ее терпение иссякло, она повесила трубку и, отыскав в кармане еще один десятицентовик, набрала тот же номер. Ответил другой голос, мужской, незнакомый.

– Соедините меня с мистером Лангом, – попросила мисс Морган.

– Могу я узнать, кто его спрашивает?

– Мисс Морган. Мне необходимо срочно переговорить с мистером Лангом.

– Одну минуту.

Подождав, мисс Морган не выдержала.

– Алло? Алло? Да что происходит?!

– Алло? – откликнулся мужской голос.

– Мистер Ланг на месте? – спросила мисс Морган. – Соедините меня с ним сейчас же.

– Он занят, отвечает на звонок по другой линии. Подождете?

«Он отвечает на мой первый звонок», – в отчаянии предположила мисс Морган и повесила трубку. Подхватив обе коробки, она снова вышла на улицу. Фургон с громкоговорителем уехал, стояла тишина, и лишь плакаты с призывом «Найдите мисс X» красовались на всех фонарных столбах. Теперь повсюду было написано, что у мисс X на голове красная с серым

шляпка, а в руках две коробки. В подарок, как заметила мисс Морган, на одном плакате обещали пуленепробиваемую машину, а на другом пожизненное членство на бирже.

Мисс Морган решила во что бы то ни стало убраться подальше от этого места, и когда рядом затормозило такси, высаживая пассажиров, она тут же забралась в салон и дала водителю адрес с бирки на большой коробке, обернутой в коричневую бумагу. Откинувшись на спинку сиденья, опустив рядом шляпную картонку и сумочку, она закурила одну из сигарет, которые ей удалось сохранить после падения на грязную улицу. «Мне снится сон, – сказала себе мисс Морган, – ужасно глупый сон». Больше всего она жалела, что потеряла лицо, крича на водителя фургона с громкоговорителем, и расстроилась, когда уронила сумочку и стала у всех на виду собирать рассыпавшиеся сигареты и косметику. Такси ехало по улице, и мисс Морган с улыбкой смотрела на плакаты на фонарных столбах. «Бедняжка мисс Х, – думала она, – неужели ее действительно кто-нибудь найдет?»

– Мне придется высадить вас здесь, – сообщил, оборачиваясь к ней, водитель.

– Где мы? – уточнила мисс Морган.

– На Таймс-сквер. Дальше машины не пускают из-за парада.

Он открыл дверь и протянул руку за деньгами. Не представляя, как поступить, мисс Морган расплатилась, подхватила коробки и сумочку и вышла из такси. Улица впереди была перегороджена, а полицейские стояли в оцеплении, охраняя канаты. Мисс Морган попыталась пробиться сквозь толпу, но людей собралось слишком много, и ей пришлось остановиться. Пока она раздумывала, донеслись звуки оркестра – приближался парад. И вдруг полицейский, стоявший у края тротуара, открыл проезд для машин, давая им пересечь улицу перед парадом, и все, сгрудившиеся рядом с мисс Морган, устремились на противоположную сторону, а другие, с противоположной стороны, поспешили к мисс Морган, разворачиваясь, чтобы пересечь следующую улицу. Полицейский и толпа загородили все пути, и люди нетерпеливо топтались на месте. Мисс Морган оттеснили к самому краю тротуара, и она хорошо видела колонны парада, направлявшегося в деловую часть города. В первой колонне шел оркестр: двенадцать барабанщиков в алых мундирах и юбках того же цвета, в серебристых сапогах и с серебристыми барабанными палочками промаршировали шеренгами по шесть, торжественно вышагивая и одновременно подбрасывая в воздух барабанные палочки. На больших барабанах красовались нарисованные красной краской огромные буквы Х. За оркестром следовали двенадцать герольдов в черном бархате; они трубили в серебряные трубы, а за ними ехал на лошади мужчина тоже в черном бархатном камзоле и в шляпе с алым плюмажем. Он кричал: «Найдите мисс Х, найдите мисс Х, найдите мисс Х!»

Показалась платформа, перед которой две девушки в красном несли длинный, во всю ширину улицы, плакат с надписью алыми буквами: «Выиграйте дорогие призы». На платформе восседал большой симфонический оркестр в миниатюре: места исполнителей заняли дети, все в маленьких вечерних костюмах, а дирижер, совсем крошка, стоял на невысокой приступке и размахивал палочкой – музыканту исполняли «Послеполуденный отдых фавна». За этой платформой прошла другая, с новым холодильником, огромным, каких не бывает на самом деле. Двери холодильника распахивались, открывая набитые продуктами полки. На следующей платформе располагалась модель самолета, вокруг которого замерли двенадцать прелестных девочек в костюмах облаков. Еще на одной платформе стояла позолоченная бочка невероятных размеров, наполненная долларовыми купюрами, а ухмыляющийся манекен время от времени склонялся над ней, зачерпывал пригоршню денег, поедая их и без усталости тянулся за новой порцией.

За платформами шли манхэттенские отделения бойскаутов. Мальчики маршировали идеальным строем, их лидеры шагали рядом, регулярно напоминая: «Держать строй, ребята, держать строй».

В эту минуту боковую улицу открыли для перехода, и все, стоявшие рядом с мисс Морган, тут же перешли на другую сторону, а другие, с противоположной стороны, тоже перешли дорогу. Мисс Морган зашагала вместе с толпой. Все стремились дальше, к центру города, и остановились у следующего перекрестка, тоже перекрытого. Парад замешкался, и мисс Морган обнаружила, что догнала платформу с огромным холодильником. Где-то сзади бойскауты нарушили строй, толкались и хохотали. Один из малышей-музыкантов плакал. Пока парад стоял, мисс Морган и всем, кто был с ней рядом, позволили пересечь улицу следования парада. А там они снова принялись ждать, пока откроют следующий переход.

Парад двинулся к центру. Бойскауты, шагая ровными рядами, поравнялись с мисс Морган. Обнаружилась и причина задержки: по широкой улице важно ступали двенадцать слонов в синих пополах. На голове каждого великана ехала девушка в синем костюме с роскошным плюмажем из синих перьев на голове. Девушки покачивались в такт движению исполинских животных. Прошел еще один оркестр, где все музыканты были в синем с золотом, а на их барабанах по-прежнему выделялась буква X, начерченная синим. Последовал новый постер во всю ширину улицы со словами: «Найдите мисс X», и еще двенадцать герольдов в белом, трубящие в золотые трубы, и мужчина на вороном коне, кричащий в мегафон: «Мисс X идет по улице нашего города, она смотрит парад. Оглянитесь, друзья!»

Держась за руки, прошли шеренгой девушки, одетые, как мисс X: в красно-серых шляпках, красно-серых пальто и синих туфлях. За ними шли двенадцать юношей, каждый нес по две коробки: большую коричневую, как у мисс Морган, и шляпную картонку. Они пели песню, из всех слов которой мисс Морган уловила только: «Найдите мисс X, получите в подарок деньги».

Вытянув шею, мисс Морган разглядела, что парад тянется на несколько кварталов. По широкой улице шли зеленые шеренги, и оранжевые, и лиловые, а далеко-далеко и желтые. Мисс Морган смущенно потянула за рукав стоявшую рядом с ней женщину и спросила:

– В честь чего парад?

Женщина обернулась и ответила:

– Говорите громче, я вас не слышу.

Она была маленького роста, с приятным лицом, и мисс Морган, улыбнувшись, повторила, повысив голос:

– Я спрашиваю, долго ли еще будет этот парад?

– Какой парад? Этот? – кивнув на проезжую часть, женщина пожала плечами. – Не знаю, мисс. Я иду в универмаг «Мейсиз».

– Вы слышали о мисс X? Кто она? – рискнула спросить мисс Морган.

Женщина рассмеялась.

– О ней говорят по радио. Кто-то получит приз. Надо только разгадать какой-то ребус или вроде того.

– А ради чего все это?

– Реклама, – с удивлением пояснила женщина.

– А вы ищете мисс X? – снова рискнула задать вопрос мисс Морган.

Проходящая опять рассмеялась.

– У меня с загадками плохо, – ответила она. – Все равно призы получают те, кто придумал это шоу, так всегда бывает.

Тут им позволили пересечь дорогу, мисс Морган и ее собеседница поспешили пройти еще квартал. Шагая рядом с миловидной женщиной, мисс Морган наконец призналась:

– Мне кажется, что я и есть мисс X, о которой все говорят, но я не понимаю, как это случилось.

Женщина взглянула на нее и произнесла:

– Откуда мне знать!

Едва договорив, она растворилась в толпе.

На широкой улице знаменитый актер, исполнитель ролей в вестернах, скакал на коне, размахивая шляпой.

Мисс Морган отступила в тишину узкой улочки и удалилась от толпы и парада. Она заблудилась: ушла слишком далеко от конторы, куда теперь не вернуться, кроме как на такси. Она не добралась до адреса, указанного на коробке, обернутой в коричневую бумагу. Заметив обувную мастерскую, мисс Морган вдруг приняла решение: она вошла внутрь и села на скамью в одной из будок. К ней подошел сапожник, и мисс Морган протянула ему свои туфли.

– Начистить до блеска? – спросил он.

– Да, – кивнула мисс Морган. – Пожалуйста.

Откинувшись на спинку скамьи, она закрыла глаза. Сквозь пелену усталости мисс Морган услышала, как сапожник ушел в дальнюю часть мастерской. Она осталась одна. Спустя несколько минут послышались шаги; открыв глаза, мисс Морган увидела мужчину в синем костюме.

– Вы мисс Х? – спросил ее мужчина в синем костюме.

– Да, – устало ответила мисс Морган.

– Я повсюду вас искал. Как вы скрылись от фургона с громкоговорителем?

– Не знаю. Просто убежала.

– Послушайте, – сказал мужчина. – Этот город не подходит. Вас никто не узнал.

Открыв дверь будки, он дождался пока мисс Морган выйдет.

– Мои туфли, – хватилась мисс Морган, но мужчина нетерпеливо взмахнул рукой.

– Не нужны вам туфли. Машина ждет у порога.

Он взглянул на мисс Морган желтыми кошачьими глазами и добавил:

– Поторапливайтесь.

Взяв ее за руку, он сообщил:

– Завтра сделаем все то же самое в Чикаго. Это не город, а какая-то дыра.

Ночью, засыпая в роскошном отеле, мисс Морган на мгновение вспомнила о мистере Ланге и посылке, которую она так и забыла вместе со шляпной картонкой в мастерской, где чинят обувь. Улыбнувшись, она поплотнее закуталась в стеганое атласное одеяло и провалилась в сон.

Ужин для джентльмена

Я часто думаю, что нет никакой возможности идти по улице так быстро, как только несут вас ноги, и одновременно пинать себя под зад. Можно, конечно, остановиться и пнуть, если очень хочется, но, знаете ли, выглядеть вы при этом будете глуповато, а если вы похожи на меня, то и так почти постоянно выглядите глупо.

Понимаете, всякий раз, когда я пытаюсь произвести выгодное впечатление, меня поднимают на смех. Только так. Стоит мне вступить в разговор о том, в чем не разбираюсь, а только прикидываюсь, что разбираюсь, мне очень быстро приходится бляеть: я обязательно вернусь к этой теме, как только соберу факты. Ну и? Куда меня заводят все эти глупости? Вот сегодня, например, я шла по улице, мечтая как следует пнуть себя под зад; руки мои при этом были заняты сумками с продуктами, а где-то над шейными позвонками витало облако дурного предчувствия. Ладно, Хью Талли – настоящий кулинар. Ну и что? На том бы и порешили, правда? Промолчала бы, постояла рядом. Да хоть уши бы заткнула. Так ведь нет. Вот она я, иду домой готовить ужин для Хью Талли лишь потому, что мне непременно захотелось произвести впечатление. И если я и так выгляжу глупо с этими сумками, то какой я буду через час, когда Хью Талли собственной персоной усядется за стол в моей квартире, улыбаясь во весь рот и предвкушая ужин? Теперь понимаете? У меня имелись веские причины пнуть себя, причем как следует.

Я не дура. Понимаю, звучит, будто я и есть она самая, и, наверное, не все так влипают, как я. Я давно заметила, что Хью Талли производит особенное впечатление на очень многих – у него мужественный облик, как у кинозвезды, и видеть такого красавца в конторе день за днем – сплошное мученье. Другие мужчины на его фоне кажутся бледными и потрепанными. У Хью отличный ровный загар, пусть и полученный под лампами в солярии, он играет в гольф, ест с аппетитом и, что важнее всего перечисленного, обожает повязать глупый передник и встать к плите, показывая женщинам, как правильно готовить. «Нет на свете такой женщины, – говорит Талли, – которая знает, как приготовить стейк по вкусу мужчине. Или спагетти. Или жареную курицу. Женщины, – сообщает он с выражением болезненного отвращения на лице, – берут добротный кусок мяса и портят его липкими и клейкими соусами». Вот такой он, не вдаваясь в дальнейшие подробности, Хью Талли.

А я? В гольф не играю, и хотя аппетит у меня вполне здоровый, загар ложится летом неровными пятнами и пропадает с первыми заморозками. Я такая же, как тысячи других девушек в городе – у меня есть нормальная работа, раньше была соседка по квартире, но она вышла замуж, и теперь я живу одна. Придет время, и я тоже, наверное, выйду замуж за какого-нибудь славного малого, и будет у меня двое детей: сначала мальчик, а потом девочка. Я сильная и на здоровье не жалуясь, у меня стройные ноги, а волосы завиваются от природы. И, как и тысячи других девушек, я терпеть не могу, когда мужчина – любой мужчина – сообщает мне таким снисходительным тоном: «Женщины просто не способны...»

В отличие от остальных девушек, которые пытались заставить Хью Талли проглотить его собственные слова, заедая их обедами и ужинами, приготовленными представительницами прекрасного пола, я решила проделать то же самое, не научившись заблаговременно готовить.

Понимаете теперь, в чем дело?

В тот день я сбежала с работы пораньше, чтобы купить продукты, и поспешила домой искать кулинарную книгу. Где-то у меня такая завалилась, ведь мы с соседкой давным-давно ее купили, когда собирались варить молочный ирис. Войдя в квартиру, я направилась напрямиком к книжному шкафу, не выпустив из рук сумок с продуктами, и обнаружила печатное издание на полке, таким же новеньким, как в день покупки. Вдруг у меня за спиной раздался голос:

– Димити Бакстер!

Конечно, я подскочила от неожиданности, выронила сумку и обернулась. На меня с улыбкой смотрела пожилая женщина невысокого роста. И пока я стояла с открытым ртом, согнувшись у книжного шкафа, гостя отложила вязанье и принялась собирать рассыпанные по полу продукты.

– Дай-ка я тут все уберу, – сказала она. – А что ты решила подать на десерт? Лимонный пирог?

– Как? – выпалила я – больше ничего мне в голову не пришло.

– Вот, заглянула тебе помочь, – ответила женщина и направилась на кухню, прижимая к груди собранные с пола покупки.

– Но кто...

– Меня впустил твой привратник, – фыркнула она. – Сказал, так уж и быть, он мне поверит.

Машинально подхватив с пола то, что не сумела унести женщина, я последовала за ней.

– Мой привратник? – глупо повторила я. – В смысле, наш комендант?

– Именно, – подтвердила она. – Сообразил, что мне можно верить. Зови меня Малли, – попросила она.

– Малли, – опять повторила я.

– Приехала из северной части штата. Скажешь, я старая подруга твоей матушки, – засмеялась женщина.

Ну это уж слишком! Конечно, моя мать – лучше всех на свете, и невысокая визитерша очень ее напоминала, однако мама, равно как и ее подруги, просто не к месту в квартире работающей девушки, понимаете?

Малли оглядела тесную кухню, и я заметила выражение ее лица, когда она обнаружила в раковине чашку и блюдце, которые я оставила там утром. Да, я могу заварить себе кофе, если найдется кипяток и пакетик с кофейным порошком – ничего сложного. А когда она огляделась повнимательнее и увидела, что у меня всего две кастрюли и скалка, да и мисок тоже две и те совсем маленькие, какие обычно продают тем, кто готовит редко и небольшие порции, открыла кухонный шкафчик, прищурилась на две консервные банки супа и банку сардин, которые стояли там еще с тех пор, когда мы жили вдвоем с соседкой, то я ужасно смутилась. Такой дурой я себя еще никогда не чувствовала.

А когда чувствуешь себя такой дурой, только и остается – грубить.

– Надеюсь, вы простите меня, – произнесла я с убийственной вежливостью, которую призывают на помощь, желая выговорить совсем другие слова. – Позвольте ли вы мне приступить прямо к делу? К ужину ожидается гость, и у меня мало времени.

Честно говоря, я не так себе это представляла. То есть не думала, что буду готовить ужин на глазах у Малли, которая удобно устроится и станет за мной следить. Ей сразу же нашлось место. Она будто всю жизнь провела на кухне, и могла бы с закрытыми глазами найти все продукты на полках, знала, как пользоваться всякой утварью, к тому же без малейших усилий удобно устроилась в углу между раковиной и плитой. Да, перед такой Малли трудно раскрыть книгу рецептов.

А как иначе? Я беспомощно вздохнула и направилась к книжному шкафу.

– Хочу убедиться, что ничего не забыла, – неуверенно сообщила я Малли, а она только весело кивнула, не отрываясь от вязания.

«Труднее всего приготовить лимонный пирог», – думала я, размышляя об этом десерте уже не первый час. Я прекрасно помнила, как заявила Хью Талли совершенно непререкаемым тоном, что хорошим считается только тот повар, который в состоянии испечь лимонный пирог. Наверное, когда я выдавала сию сентенцию, то думала, будто бы лимонный пирог готовить проще, чем яблочный или вишневый. Для лимонного пирога и печь-то всего ничего – только ровный корж теста.

Когда я открыла кулинарную книгу и нашла в списке рецептов «Лимонный пирог с меренгой», Малли наверняка искоса на меня посматривала. Я перевернула страницу, изо всех сил пытаюсь делать вид, будто пеку лимонные пироги чуть не каждый день и собираюсь только освежить в памяти порядок действий. Инструкцию я прочла дважды. Ну да, я не ошиблась. Испечь лимонный пирог действительно легко. Нужно только...

– Вымой руки, – резко напомнила Малли.

Я подскочила и бросилась к раковине. Видимо, с этой Малли всегда так: если она что-нибудь говорит, сначала приходится подпрыгнуть от неожиданности, а потом выполнять требование. Вымыв руки, я повязала на талию полотенце вместо передника и пошла к сумкам с продуктами доставать муку, разрыхлитель, лимоны, яйца, стущенное молоко, желатин, ванилин, сливки – мне казалось, все эти ингредиенты понадобятся для приготовления лимонного пирога, потому я их и купила.

– Ну вот, – весело проговорила я.

Для начала я рассыпала муку. Мерного стакана у меня, конечно, не было, и пытаюсь сообразить, сколько муки отмерить, я выронила пакет, и он лопнул на полу. Впрочем, на столе муки тоже осталось достаточно. Вообще-то, в рецепте значилось, что всегда можно добавить и побольше, если потребуется.

Сколько я ни старалась, корж для лимонного пирога у меня не получался, как в рецепте. Вот, вроде бы на столе мягкие крошки, которые пора раскатывать скалкой, а через минуту, когда я пытаюсь замесить тесто в однородную массу, у меня в руках уже нечто каменное, и раскатать его нет никакой возможности. Наконец после, кажется, четырех попыток, я придала тесту правильную форму и уложила на противень. Местами, правда, получилось тонковато, и пришлось добавить заплатки и прищипнуть по краям, чтобы не топорщилось, и тогда вышло кое-где слишком толсто.

– Неважно, под начинкой ничего видно не будет, – сказала я себе.

Поставив противень в духовку, я взглянула на Малли.

– Ну вот, с этим покончено, – удовлетворенно улыбнулась я.

Пока я готовила корж для лимонного пирога, Малли не проронила ни слова. Когда скатанное в шар тесто выпрыгнуло у меня из рук и запрыгало по столу, мне показалось, будто Малли надо мной смеется, но взглянув на гостью, убедилась, что она сосредоточенно смотрит на свое вязание. И хоть уши и шея у нее покраснели, а из горла вырывались похожие на кашель звуки, я промолчала – ведь мне она ничего не сказала. Зато по доброте душевной Малли собрала осколки разбитой фарфоровой миски, которую я уронила на пол.

Когда, поставив корж для пирога в духовку, я обернулась, Малли с невинной улыбкой посоветовала:

– Пора бы готовить картофель.

– Знаю, – отрезала я. – Не беспокойтесь, пожалуйста.

И снова открыла предметный указатель кулинарной книги. Вообще-то стоило перейти к приготовлению начинки для пирога, однако если Малли считала, что сначала картошка... Вот. Картофель запеченный. Открыв страницу с рецептом, я обескураженно заморгала: время запекания картофеля в духовом шкафу – пятьдесят минут, а Хью Талли заявится ко мне через сорок пять минут, если допустить, что на пять минут он опоздает.

– Значит, подождет, – мрачно сообщила я кухонным часам и бросилась за картофелем.

– Пожалуй, испечь картошку сможет всякий, – глубокомысленно произнесла Малли, не отрываясь от вязания.

Я сердито уставилась на нее, но отвечать времени не было – я уже выдавливала из лимонов сок для начинки. На восьмом лимоне выжималка вырвалась у меня из рук и, попрыгав по столу, соскочила на пол, и заканчивать пришлось вручную. Я добавила немного готового лимонного сока, чтобы набрать примерно стакан, как в рецепте. Принялась было взбивать

яйца, и вдруг вспомнила о корже в духовке. Бросилась открывать дверцу – и сбила миску с яйцами и венчиком прямо на пол. Впрочем, это не имело значения – корж для пирога все равно сгорел. Я так и застыла перед открытой духовкой с противнем в руках, не отрывая глаз от угольно-черного коржа на нем.

– Ты задвинула его слишком далеко, когда ставила печься картошку, – тихо подсказала Малли. – И забыла.

– Ничего страшного, – огрызнулась я. – Лимонный пирог я куплю.

– купишь лимонный пирог? – ахнула Малли с таким ужасом, как будто я предложила украсть его у кого-нибудь с подоконника.

– Ничего страшного, – повторила я.

Еще я собиралась испечь бисквиты, однако в духовке совершенно не было места, время поджимало, и я передумала. Хью Талли придет через пятнадцать минут, если считать, что на десять минут он опоздает. И вот тогда я в каком-то тумане вспомнила, что собиралась пожарить бараньи отбивные.

– Бараньи отбивные, – произнесла я. – Бараньи отбивные.

– Бараньи отбивные, – успокаивающе поддакнула Малли.

Неужели она смеется надо мной? Я взглянула на нее, и она ответила мне добрым взглядом.

– Бараньи отбивные, – решительно повторила я и кинулась искать их среди мусора на столе, где и обнаружила.

Я знала, что отбивные жарят – единственная сковорода на моей кухне вмещала две отбивные за раз, а памятуя об аппетите Хью Талли, я купила целых шесть. Значит, придется жарить по две. Я бросила подозрительный взгляд на Малли – она сидела, закрыв глаза, и шевелила губами. Наверное, повторяла про себя «бараньи отбивные».

Места для упаковки с отбивными не оказалось, и я так и держала ее в руке, листая кулинарную книгу, читать которую стало гораздо труднее – все страницы вымокли в начинке лимонного пирога, а на руках у меня лежал щедрый слой муки, отчего пальцы слиплись. Рецепт бараньих отбивных был на той же странице, что и рецепт лимонного пирога с меренгой, намертво приклеившейся к следующей. Чтобы добраться до инструкции, требовалось выпустить из рук упаковку отбивных, и место для нее я отыскала только на подоконнике. Я решила заодно открыть окно – проветрить кухню от аромата сгоревшего пирога – и поняла: что-то горит, бросилась к духовке и по пути неловко задела локтем отбивные. Малли подошла к окну и посмотрела на улицу.

– Ну вот, твои бараньи отбивные там, на тротуаре. Знаешь, – серьезно добавила она, – отсюда и не скажешь, что они свеженарезанные.

Я открыла духовку, пытаюсь выяснить, откуда пахнет гарью – картошка лежала себе на противне, как надо, а рядом пристроилась случайно забытая кухонная рукавичка.

– Ну все, – с восхитительным хладнокровием выдала я. Выпрямившись, я отбросила выпачканной в муке рукой волосы со лба и добавила уже с меньшей долей хладнокровия: – С меня хватит. Он мне за все заплатит. Я покажу ему, как заставлять людей горбатиться на кухне. Да я поджарю страницы этой кулинарной книги – одну за другой...

– Успокойся, – остановила меня Малли.

И я сделала так, как она велела. Перестала метаться с воплями по кухне и огляделась. В раковине высилась гора грязной посуды. Сломанную соковыжималку я положила сверху на перепачканные тарелки – другого места ему не нашлось, а последний недодавленный лимон едва держался на его кончике. Еще в раковине поместились и миски, в которых я смешивала ингредиенты, кроме одной – ее я разбила. Почему-то, пытаюсь приготовить начинку для лимонного пирога, я испачкала четыре миски и кастрюлю. На столе в беспорядке валялись упаковки от продуктов, яичная скорлупа и книга рецептов, удобно устроившаяся в луже лимонной

начинки. Я забыла включить кофеварку, и теперь она холодно и с упреком смотрела на меня, стоя рядом с разорванным пакетом муки, который, не знаю каким чудом, оказался на плите. Впрочем, муки в пакете почти не осталось – вся рассыпалась по полу. Кухонная рукавичка запекалась в духовке. Послышались трели дверного звонка.

Уставившись на свои следы на полу, я с нотками истерики в голосе поинтересовалась у Малли:

– Неужели я так много хожу?

Малли опустила вязанье на колени и встала.

– Ступай, – сказала она. – Надень синее платье. Я погладила его, пока ждала тебя. Прими душ и одевайся, а я встречу твоего знакомого.

– Но как же... – беспомощно начала я и осеклась, неловким жестом обводя кухню. – Что же мне теперь...

– Я уже сказала, что тебе делать, – резко напомнила Малли. – Ступай одеваться.

Когда Малли говорила таким тоном, ответ мог быть только один. И никаких вопросов. Я обнаружила, что спешу принимать душ и переодеваться в синее платье. Закрывая дверь в спальню, я услышала, как Малли говорит кому-то: «...старая подруга мамы Димити. Заглянула передать привет».

Каюсь: я провела в душе слишком много времени. Может, приди кто-то другой, я бы честно признала, что напортачила, наговорила лишнего и не смогла выполнить обещанное, но вот поступить так с Хью Талли было слишком тяжело. Во-первых, он бы никогда ничего не забыл. И во-вторых, не позволил бы забыть и мне. Собираясь выйти из душа, я вспомнила красное лицо Хью Талли с самодовольной улыбкой и опять встала под горячие струи. «Давай, Димити, решайся, – говорила я себе, – пора идти».

Одевшись и избавившись от запаха гари и налипших под ногтями комочков муки, я почувствовала себя гораздо лучше. И приободрилась, чуть-чуть. Ведь когда-нибудь, лет через десять, я буду жить в маленьком городке за пять сотен миль от Хью Талли, и события этого дня покажутся мне просто забавными.

Я собрала в кулак свою гордость, подняла повыше голову на застывшей от постоянных заглядываний в духовку шее, развернула плечи и храбро вышла в гостиную, к Хью Талли, который удобно устроился в кресле, положив ноги на пуфик.

– Прости, что заставила тебя ждать, Хью, – с улыбкой поздоровалась я, – но мне придется признать...

– Димити, – окликнула меня Малли, – сходи-ка на кухню, проверь, как там пирог.

– Но мне придется признать, – продолжила я, – что после всего сказанного...

– Я была там минуту назад, – прервала меня Малли, – и пирогу пора выбираться из духовки. Прямо сейчас, – настойчиво заявила она. – Конечно, это всего лишь мое мнение. Димити лучше знать.

До меня наконец стали доходить слова Малли. Я так настроилась произносить героическую речь перед Хью Талли, что сперва не поняла – Малли обращалась ко мне. Хитро подмигнув, Малли показала на кухню. Оборачиваясь, чтобы взглянуть сначала на Малли и снова на Хью Талли, я вдруг заметила, что в гостиной накрыт ужин на двоих. Скатерть сияла белизной, бокалы сверкали, в столовом серебре отражались язычки пламени двух длинных свечей, горевших в самом центре стола. Очень красиво.

– Мне пора бежать, Димити, но я мечтаю увидеть, как получился пирог, – сказала Малли.

Похоже, она пыталась заманить меня на кухню. Я покорилась, и Малли пошла за мной.

Вслед нам Хью Талли произнес:

– Надеюсь, Димити не слишком расстаралась. Я многого и не ожидал.

И неприятно засмеялся.

Я застыла у двери в кухню. Клянусь, когда я вышла отсюда, в раковине была гора посуды, на полу – мука, а на плите – ни намека на приготовленный ужин. Теперь же кухня сияла чистой. Со стыдом признаю: чище здесь не бывало. А пол, не иначе, отчистили скребком.

– Что?.. – спросила я, с привычной прозорливостью реагируя на происходящее.

– Если ты прямо сейчас не закроешь рот, – ехидно заявила Малли, – я и представить боюсь, что в него попадет.

– Но как же... – выдала я еще одно весьма мудрое замечание.

– Объяснять некогда, – отрезала Малли. – Слушай меня внимательно, Димити Бакстер. Я решила, что позволю тебе делать все, как ты пожелаешь, но все же выберу момент и скажу, как ты не права. Однако теперь важнее другое: мне не нравится этот молодой человек. Совсем не нравится. Едва усевшись, он спросил: «Неужели Димити действительно сама приготовила ужин?» Задавать такие вопросы нечестно, и я ответила: «Она весь вечер провела на кухне», – это правда. Малли задумчиво смерила меня взглядом.

– Тебе идет синий, – одобрительно кивнула она и продолжила свою речь. – С этим гостем следует быть начеку. Не откровенничай, слышишь? И ради всего святого, доставай пирог из духовки.

Я так и сделала, отрешенно заметив, что меренги получились идеально, а корж по краям слегка расслоился, как надо.

– Пирог, – констатировала я.

– Ну, а чего еще ты ожидала? Я же сказала – пирог, – подтвердила Малли. – И никогда больше не приглашай этого молодого человека на ужин, слышишь?

– Никогда, – с жаром пообещала я.

– Кстати, я позаимствовала твою копилку.

– Копилку? Но там было только шесть...

– Не важно. Твои бараньи отбивные все равно оказались не первой свежести. А вот новая кулинарная книга, взамен той, которую я выбросила. Может быть, я еще раз загляну на огонек.

Малли быстро поцеловала меня в щеку мягкими сухими губами и исчезла. Вскоре за ней тихо захлопнулась входная дверь, а я так и стояла посреди кухни, наслаждаясь прекрасными ароматами и сжимая в руке кулинарную книгу.

– Эй! – позвал Хью Талли из гостиной. – Когда ужинать будем?

Я машинально двинулась к плите. Под одной из салфеток, не дававших блюдам остыть, обнаружили бисквиты. Воздушные и золотистые, каких я очень давно не встречала. На другом блюде был печеный картофель, а на третьем – отбивные. И еще пирог. А в холодильнике, как выяснилось, салат.

Мне оставалось только подать ужин Хью Талли, что я и сделала.

Хью Талли довольно посмотрел на свою тарелку.

– Неплохо, неплохо, – произнес он.

Схватил три бисквита, заметив мимоходом, что они наверняка жесткие, как свинец. Взял запеченную картофелину, сетуя, что на вид она твердовата. Положил себе две отбивные, говоря: «О чудо! они вовсе не покрыты непонятным соусом». А накладывая салат, задумчиво бормотал что-то о взбитых сливках в заправке, не постеснявшись, впрочем, положить побольше. Я молча смотрела в свою тарелку. Еда была явно настоящая.

– Знаешь, – с набитым ртом пробубнил Талли, – а твои бисквиты очень ничего. – Пржевав, он взмахнул рукой, в которой держал кусочек бисквита со сливочным маслом, что не ускользнуло от моего взгляда. – Знаешь, – продолжил он, – тебе еще предстоит освоить пару трюков. Вот, например: ты же печешь из обычной муки, так?

Я кивнула. А что мне оставалось?

– Да-а-а, – протянул Хью Талли, – доедая бисквит. – Кто же так делает? Только женщины. Вытряхивают остатки муки и пекут из нее всякую всячину. Настоящий кулинар... –

Хью взмахнул рукой и задержал ее над блюдом с бисквитами. Поколебавшись, он взял еще один и продолжил: – Настоящий кулинар в муке разбирается. Когда мне, например, приходит в голову испечь бисквиты, я иду в особенный магазин в самом центре города и говорю: «Ребята, уберите обыкновенную муку и принесите мне особенную, которую отложили для Хью Талли». И ей-богу, я получаю то самое.

– Что – самое? – решила уточнить я, однако собеседник меня не расслышал.

– С яблочным муссом те же дела, – разглагольствовал Хью Талли. – Ты ведь добавляешь в мусс корицу?

Я кивнула. Наверное, я действительно добавляла в яблочный мусс корицу.

– Вот, – подтвердил Талли, – чуть ли не все кладут корицу в яблочный мусс. Только не Хью Талли. – Он яростно тряхнул головой и взял еще бисквит. – Тебе надо бы – по крайней мере так поступают настоящие кулинары – достать особенные специи, более душистые. Когда я готовлю настоящий яблочный мусс, то иду в особенную лавку специй и говорю...

Я откусила кусочек бисквита. Вкус у него был самый настоящий, похожий на бисквиты, которые я ела, когда мне было лет двенадцать – тогда я и питалась-то почти одними только бисквитами. Отличный бисквит на вкус, идеальный.

– А вот отбивные... – не унимался Хью Талли.

Интересно, как он мог столько говорить и одновременно есть? Я безо всякого сожаления подумала, что Хью Талли вот-вот подавится, задохнется и умрет у меня на глазах.

– Свиные отбивные, знаешь ли, – излагал он, – надо готовить особым образом, иначе получаются самые обыкновенные свиные отбивные, как у всех. Вот я всегда мариную свиные отбивные. Кто-то скажет, что мариновать отбивные неправильно, но только не я, не Хью Талли. – Он покачал головой. – Многие считают, что, когда я говорю «мариновать отбивные», то имею в виду обычный маринад, но ни один настоящий повар так не поступит. Только не со свинными отбивными. Нужно найти правильное сочетание французской приправы – и не той, которую все покупают в магазине, вовсе нет. – Он бросил на меня воинственный взгляд, и я опять кивнула: всякий раз, когда Хью Талли умолкал на мгновение, я кивала. – Ни в коем случае, – заявил он. – Итак, приготовить французскую приправу, добавить особенный...

«Свиные отбивные, – вдруг подумала я. – Свиные отбивные? Но я же купила бараньи... которые упали на тротуар, а Малли сказала: “Я позаимствовала твою копилку”».

– Прости, я на минутку, – торопливо извинилась я.

Вбежав на кухню, я обнаружила, что моя фарфоровая свинка-копилка пропала, а шесть центов, которые в ней хранились, лежали на полке.

– Где же лимонный пирог, о котором я столько наслышан? – прокричал из гостиной Хью Талли.

Неужели в него влезет еще и пирог? После целого обеда? Я взяла лимонный пирог и направилась в гостиную. Едва увидев меня, Хью снова завел свою речь.

– Или возьмем омаров... Мало кто правильно готовит омаров. – Он одобрительно смотрел на меня с пирогом в руках, а когда я собралась поставить блюдо на стол, набрал побольше воздуха и выдал: – Женщины просто не способны...

Я не сдержалась. Никто бы на моем месте не сдержался. И Малли бы не сдержалась – она бы меня похвалила.

Вышло очень смешно, и я расхохоталась. Гневно тараща глаза, Хью Талли стер лимонную начинку с лица. Он встал, стряхнул меренги с рукавов, вытащил из волос кусочки песочного коржа и попытался перевести дыхание. Хью покраснел, глаза лезли из орбит, а он все тщился придумать что-нибудь резкое, оскорбительное, собираясь яростно бросить в меня словами.

– Ты... ты... повариха! – наконец выплюнул он.

Когда за ним захлопнулась дверь, я подумала: моей заслуги здесь почти нет. Я всего лишь надела пирог ему на голову, испекла-то его Малли. Мне вдруг показалось, что Малли приготовила пирог с одной единственной целью, и десерт исполнил свое предназначение.

Тогда мне пришло в голову, что следует непременно отблагодарить Малли и сделать это сразу же, а убрать остатки лимонного пирога – потом. Вымыть пол в гостиной может всякий, а вот Димити Бакстер пришло время научиться готовить, и как следует, не отлынивая.

Я вошла в кухню, взяла кулинарную книгу, которую подарила мне Малли, и вернулась в гостиную, сесть в удобное кресло, так недавно оставленное Хью Талли. Обложка была в сине-белую клетку, а наверху золотыми буквами сияло мое имя: Димити Бакстер. На форзаце, чистом листе в самом начале, красовалась надпись: «Димити от Малли». Содержание оказалось совершенно невероятным. Под номером один фигурировал заголовок: «Ужин для мистера Артура Клайда Бруксона». Я никогда прежде не слышала этого имени, но когда произнесла его вслух раз или два, как ни странно, мне понравилось, как оно звучит. Пояснения к приготовлению ужина начинались словами: «Пожалуйста, не нервничай, Димити. Тревожиться причин нет. Ему понравится все, что ты приготовишь. Возможно, он и есть не станет, или вы оба не станете».

Я вернулась к «Содержанию». Взгляд упал на строку: «Ланч для свекрови с подругами». Я удивленно моргнула и захихикала.

Попался еще заголовок: «Ужин для жениха дочери», и еще один: «Семейный ужин на пятнадцать персон». И «Ужин для начальника мужа и его жены». Тут уж я захохотала в голос.

Еще одна строчка привлекла мое внимание, и я сразу же открыла книгу на странице описания «Первого обеда после свадьбы». Там было написано: «Димити, сними желтый кисейный фартук и повяжи плотный и практичный, который тебе подарила мама. В желтом подашь ужин. И не забудь напомнить мужу, что посуду вы моете вместе».

Мне оставалось сделать лишь одно. И поразмыслив, я придумала, как это осуществить. Я вошла в кухню и тихо сказала:

– Спасибо, Малли.

Праздник для мальчишек

У моего старшего сына, Лори, день рождения в октябре. В удачные годы он ездит праздновать с отцом в Нью-Йорк на бейсбол, а если «Бруклин» проигрывает, Лори отмечает важный день дома. К концу лета, когда стало ясно (как ни печально), что Лори на этот раз не попадет на стадион «Эббетс Филд», сын принялся составлять подробный план запоминающегося и веселого двенадцатого дня рождения. В самом начале он поставил основным условием, и вполне разумным, что уж если и праздновать день рождения как следует, то нужно отправить обеих младших сестер на выходные к бабушке в Калифорнию. Я ответила, что, учитывая расстояние между Вермонтом, где мы жили, и Калифорнией, его просьба нереалистична, однако я непременно отвезу девочек на весь день празднования в гости. Поразмыслив, Лори сообщил, что собирается пригласить восемнадцать друзей и играть с ними в бейсбол на лужайке возле дома. Я ответила, что лужайка возле дома не спортивная площадка, и я не смогу накормить восемнадцать его друзей, если только они не согласятся ужинать в конюшне. Лори со вздохом предложил пригласить двенадцать друзей и сыграть с ними в волейбол. Я снова ответила, что лужайка возле дома не спортивная площадка, и кроме того, скорее всего, пойдет дождь. Лори минуту поразмыслил и с убийственной вежливостью спросил, нельзя ли в день рождения позвать после обеда Роберта поиграть в шахматы?

Я сказала, что в нашей столовой вполне уместятся восемь двенадцатилетних мальчиков, если только они не станут бегать наперегонки или фехтовать столовыми ножами. Предложила устроить вечеринку и легкий ужин. Я бы сделала всем сэндвичи и фруктовый пунш, а Лори позвал бы полдюжины мальчиков и столько же дев... Не дослушав, Лори вышел из комнаты, ядовито бросив через плечо, что иногда ему кажется, будто бы все в этом мире сошли с ума, кроме него, конечно.

В конце концов Лори решил пригласить семерых друзей, отвезти всех после обеда в кино и накормить ужином. В отношении подарков на приглашенных можно было положиться, они бы наверняка одарили Лори последними популярными пластинками, химическими ретортами и книгами о Тарзане, которых в коллекции Лори как раз не хватало. В приглашении особо указывалось: «Форма одежды – свободная». Гости съехались на велосипедах, на рамах болтались аккуратные свертки. Подарки сложили на столе в гостиной, собираясь открыть их за праздничным ужином, велосипеды поставили у задней террасы, а Лори и семеро его друзей с довольными возгласами уместились в моей машине, чтобы ехать в ближайший городок, смотреть в кинотеатре фильмы: «Сумасшедшее чудовище с потерянной планеты», «Гордость ранчо “Гранде”», «Татуированный человек-обезьяна», а также мультфильмы, не говоря уж о выпуске новостей и рекламе.

Утром я обналичила чек и перед отъездом выдала Лори достаточно денег на восемь билетов в кино, попкорн и шоколадные батончики по штуке каждому, и обещала забрать всех после сеанса.

Моему младшему сыну, Барри, еще не исполнилось трех лет, и он с неистребимым обожанием смотрел на друзей старшего брата, таких необыкновенно высоких и умных, умевших чинить любые игрушки. Барри все время благоговейно оглядывался на сбившихся в кузове моего «универсала» восьмерых мальчишек. У нас с Барри оставалось еще довольно места на переднем сиденье, но сесть рядом с нами – означало признать себя избалованными и трусливыми, на что ни один из гостей не пошел. Время от времени в зеркале я видела то брыкающиеся ноги, то взлетающие будто в знак протеста руки, и всю дорогу до города думала, не мечтают ли в тайне мои пассажиры об аварии.

– О-о-ой, – донеслось из кузова. По голосу я узнала Стюарта. – О-о-ой, я б ни за что не пропустил серию на этой неделе. Помните, их всех поймали арабы?

- Да, но... Слышь? – уточнил Оливер. – Ты ведь помнишь – они сбегут, да?
- Ну да, но если б ты был тот парень, ну и что б ты тогда сделал?
- Но он-то наврал им, да?
- Было дело, но они-то сказали, что станут стрелять. Ты-то что б сделал? Не сдался бы, ну а так что?
- Но ладно, слушай, они-то, уфф...
- А он сумел. Ты ж сам видел – он смог.
- Я б там, то есть был бы я он, я бы никак.
- Слышь, ребята, – вступил Лори. – Как мы на прошлой неделе, а? Тот билетер нам тогда...
- Мальчики, – сказала я. – Помните: не драться. Вести себя...
- Уф! – фыркнул Лори. – Я и забыл, что ты здесь.
- Меня нет, – ядовито признала я. – Машину ведет Барри.
- Я за рулем, – подтвердил Барри. – И прямо сейчас включаю дворники.
- Ну да, так вот. – Прерванная беседа возобновилась. – Допустим, там ты. Ты б смог?
- Ну-у-у, – задумчиво протянул Томми. – Это как если б ты взял что-то, что не твое. Ты б не отдал это что-то просто так, да? Если б оно тебе очень надо было, да? Если б кто и попросил, да?
- Нет, – в унисон ответило несколько голосов. – Но если... – это продолжил Уилли, – представь, ты бы был должен, а? То есть и копы бы подошли, и вообще?
- Ну тогда, – сказал кто-то, – если б копы...
- Но он-то не стал, – одновременно выкрикнули двое или трое. – А еще та девчонка, – добавил кто-то.
- В недолгой и недовольной тишине послышался голос Джоуи.
- А если б там был я, я б точно, да, сделал бы как надо.
- Ну да, ты б конечно.
- Ты ж весь такой...
- Ну да.
- Я остановила машину у кинотеатра.
- Лори, послушай, – сказала я. – С деньгами осторожнее, по городу не бегать, я вернусь в половине пятого, всякую гадость в рот не класть, на ужин...
- Конечно, мам, как скажешь, – уверил меня Лори. И добавил, обращаясь ко всем и ни к кому в отдельности: – Моя мамуля... на кураже.
- Я прикусила губу.
- Счастливо повеселиться, – пожелала я.
- Да уж.
- Они по очереди выбрались из кузова, топя и подталкивая друг дружку. Выходя из двери рядом с Барри, каждый гладил малыша по голове. Барри хихикал, я встревоженно смотрела мальчишкам вслед, пытаюсь запомнить, кто в какой куртке и кепке, чтобы вернуть гостей домой в том же виде, в каком они пришли. Лори всеми командовал.
- Подождите, куда бежим, – повторял он.
- Осторожнее там, – не удержалась я.
- Лори на прощанье посмотрел на меня и заявил:
- Ты на кураже.
- Они перешли улицу, как марсианский легион, вырвавшийся из летающей тарелки. На полпути Лори, поколебавшись, обернулся и вдруг подбежал ко мне.
- Слушай, – сказал он, просунув голову в окно водителя, – чуть не забыл. Купи Джоуи какую-нибудь штуку, а? Модель автомобиля или вроде того?
- Для Джоуи?

– У него сегодня тоже день рождения. Эй, подождите!

Он убежал, не дослушав мое беспомощное: «Но почему же ты мне ничего не сказал? Я бы...»

Высунувшись из окна, я смотрела, как они входят в кинотеатр, подталкивая друг дружку и нацелившись в первую очередь на прилавок с попкорном. Сказав себе, что все они когда-нибудь вырастут хорошими мальчиками, я выудила из кошелька пенни, чтобы оплатить стюанку в парковочном автомате, вытащила Барри из машины и пошла к магазину сувениров и игрушек, снова и снова напоминая себе, что все мальчики обязательно вырастают очень и очень хорошими людьми.

С несколько заторможенной реакцией, какая, по-моему, свойственна всем матерям, я до сих пор испытываю к Джоуи странное чувство: с одной стороны, он меня раздражает, с другой – я вынуждена его терпеть. Он на шесть дюймов выше остальных мальчиков и раньше каждое утро по дороге в школу не упускал случая подраться с Лори. И хотя теперь Джоуи официально принят в круг друзей моего сына, я никак не могу отделаться от ощущения, что этот парень вот-вот без всякой причины запустит куда-нибудь бульжником. Конечно, он всегда называет меня «мэм» и один из немногих снимает кепку, входя в дом. Мне же не слишком успешно удается искренне радоваться встречам с Джоуи, и потому я всегда широко ему улыбаюсь, когда он переступает через порог (в конце концов, этот малыш выше меня на два дюйма), а на школьных собраниях мы с мамами Оливера, Томми и Уилли убеждаем друг друга, что Джоуи надо посочувствовать, а не наказывать его; повторяем, что шалит он только затем, чтобы обратить на себя внимание. Родители Джоуи умерли, и он живет с бабушкой. А когда старшего брата Джоуи отослали в исправительную школу, мне позвонила мама Уилли, и мы с ней уверили друг дружку, что, если Джоуи почувствует себя настоящим членом общества, то, когда он вырастет, его бабушка сможет им гордиться. Мы решили приложить совместные усилия и серьезно позаботиться о мальчике, и, конечно же, никто так и не смог доказать, что именно Джоуи залил цементом школьный обогреватель. И все же у меня голова шла кругом от мысли, что у Джоуи тоже может быть день рождения, как у обычных детей.

Во избежание нанесения непоправимого ущерба процессу перевоспитания Джоуи, я приступила к решительным действиям. Оставив Барри возле игрушечного трактора, я шагнула в телефонную будку в магазине игрушек и набрала номер мамы Уилли. Она сразу же вообразила, что у нас все пошло не так, и все наши гости спешат к ней. Мне пришлось разуверять ее и объяснять, что сегодня, оказывается, у Джоуи день рождения, о чем никто из нас понятия не имел. Она сказала: «Ох ты Господи, ничего себе, вовремя сообщили», и спросила, что же я собираюсь делать, «ах, бедный ребенок». Я ответила: «Конечно, ребенок бедный, но придется купить ему подарок и еще один праздничный торт, раз уж на том, который громоздился у меня на кухонном столе, было ясно написано: «С Днем Рождения, Лори!», и добавить розовым кремом к надписи имя Джоуи никак не выйдет». Мама Уилли сказала: «Ой, подождите», – она как раз собиралась украсить торт к церковной распродаже сладостей, вот и напишет на нем поздравление для Джоуи – и готово. А на церковную ярмарку отнесет яблочный пирог и купит еще сладостей, как только завезет ко мне торт для Джоуи. Я с огромной благодарностью ответила, что она просто спасительница, ведь свечей для торта у меня хватит, и Джоуи не узнает, как его праздник организовали в последнюю минуту. Она сказала: «Бедный ребенок, как ужасно было бы оставить его без дня рождения», и уверила меня, что Хелен, Сильвия и Джен тоже ужасно расстроятся, а значит, надо им позвонить, а уж она оставит праздничный торт у меня, на кухонном столе.

Воодушевленная разговором, я позвонила маме Оливера и спросила, знает ли она, что у Джоуи сегодня тоже день рождения, а она ответила: «Только этого ей не хватало», «Как же без таких новостей», и «Что же теперь делать?» Я рассказала, как высадила мальчиков у

кинотеатра и пока не уехала из города, а значит, могу и буду рада от ее имени купить Джоуи какой-нибудь сувенир.

– Ах, как прекрасно, – ответила она. – Пожалуй, подарим книгу.

– Книгу? – опешила я. – Джоуи?

– Ох, господи, – вздохнула она. – Тогда нож, и скажи, что это от Оливера, а я с тобой расплачусь при встрече.

Я предложила еще добавить открытку от Оливера, а она уточнила, как там мальчики в кинотеатре, в порядке ли, и я ответила, что внутрь они точно вошли в целостности и сохранности, а она с радостью заметила, что кормить эту ораву сегодня мне, а не ей.

Следом я позвонила маме Томми, и она заметила, что, если мне удастся заглянуть в магазин одежды для мальчиков, то неплохо бы купить Джоуи легкий свитер и полдюжины пар носков, ведь, по ее мнению, у бедного ребенка совершенно нет одежды. Эта мысль показалась мне очень здравой, и я поделилась ею с мамой Стюарта, которая сначала сказала, что узнали мы о дне рождения очень вовремя, и что мальчикам всегда нужны джинсы, и в магазине можно записать подарок для Джоуи на ее счет, если у меня туго с наличными.

К тому времени когда пришла пора возвращаться домой, я позвонила шестерым знакомым мамам и собрала для Джоуи семь подарков, купила ковбойский костюмчик для Барри, мимо которого не смогла пройти. Торт ждал нас на кухонном столе – прекрасный торт, скажу я вам, в полтора раза больше другого, приготовленного для Лори, и написано на нем было: «С прекрасным днем рождения, Джоуи!»

К счастью, мальчики собирались на ужин угоститься спагетти, и я все сварила утром, так что теперь мне осталось лишь намазать маслом побольше ломтей хлеба и смешать простой салат. («И без глупостей, без обиняков, – заявил утром Лори. – Только помидоры, редиску и салатные листья, и никаких там ананасов, маршмеллоу и прочей ерунды». «Но я в жизни не добавляла в салат маршмеллоу», – оскорбилась я. «Кто знает, что придет тебе в голову», – пессимистично сообщил Лори.) Стол я накрыла очень аккуратно («не вздумай раздавать пакетики с леденцами или еще чем»), разложила бумажные салфетки, расставила самые обычные стаканы, достала хорошие столовые приборы, простые темно-синие тарелки в надежде, что Лори не сочтет синий цвет особым праздничным украшением стола. С циничным удовлетворением поставила на торцах по серебряному блюду с солеными орешками, как обычно делаю только на День Благодарения, когда собирается вся семья. Лори согласился, что небольшие сувениры его друзей не смутят и предложил оделить всех игрушечными духовыми ружьями, стреляющими бобами, или водяными пистолетами, но я поменяла все на «йо-йо» – чертиков на нитке.

Барри официально пригласили занять место рядом с именинником и принять участие в празднике. Муж с жаром уверил нас, что не имеет ни малейшего намерения выходить из кабинета, а мне строго-настрого было сказано поставить еду на стол и больше не показываться. («На дне рождения Джимми его старуха только и делала, что болталась рядом, – заявил Лори. – Кошмар!» «Прошу тебя, на называй чужих матерей «старухами», – попросила я. – Мама Джимми ненамного старше, чем...» «На кураже», – выдохнул Лори.) Развлекались гости за ужином настольной игрой: каждый вынимал из колоды карточку и выполнял написанное на ней задание, и еще – о чем мне, естественно, не сообщили, и я не знаю, было ли это запланировано заранее – швыряли в цель помидоры. В конце концов получился замечательно организованный и полностью удовлетворивший именинника и гостей день рождения, особенно если учесть, что я никого не забыла в городе и не уронила праздничный торт.

В половине пятого я припарковалась у входа в кинотеатр, как раз у знака «Не парковаться», и без двадцати пяти пять мальчики посыпались из двери один за другим, моргая от яркого света и разбрасывая фантики. Забираясь в машину, они поглаживали Барри по голове, а я нервно вспоминала, на ком была какая кепка, куртка, и раздумывала, смотрит ли на нас

тот полицейский на углу. Когда Лори сел в машину, я обернулась, пересчитала пассажиров и уточнила:

– Все здесь? И Стюарт?

– Здесь! – раздался голос из кучи-малы в кузове моего «универсала».

– А Джоуи? – спросила я, пытаюсь отыскать второго именинника.

– Ну, да.

– Оливера нет, – вдруг сказал кто-то, и несколько голосов подтвердили: – Да, точно, Оливера нет, нет Оливера, где Олли?

– Он вернулся за ботинком, – сообщил Уилли.

– Что случилось с его ботинком? – встревожилась я, оборачиваясь. – С ботинком?!

– Ну, ма, – произнес Лори, и в кузове повисла зловещая тишина.

– Вот что, – наконец решила я, – пусть кто-нибудь за ним сбегает. Тот полицейский...

– Вот он, идет, – прервал меня Лори. – Поторапливайся Олли, ты же не думаешь, что старуха хочет под арест из-за парковки? И вообще, нам пора возвращаться и ужинать, ради бога.

– Мороженое, – выдал тайну Барри, широко улыбнувшись друзьям брата. – Лори, будет мороженое.

Как только Оливер оказался в машине, я дважды пересчитала пассажиров, объявила, что опоздавшие пойдут домой пешком, и завела мотор.

Барри тихо напевал под нос:

– Мороженое, мороженое.

А сзади кто-то сказал:

– Слышь, помнишь того парня?

– Уф! – фыркнул кто-то, а другой со вздохом ответил: – Ни шиша себе!

– А те ребята с космическими пушками...

– А осьминог...

– А в этой серии...

– Мороженое, мороженое, – напевал Барри.

– А когда копы обыскивали дом...

– А главный мозг...

– А билетер сегодня прям извелся.

Я расслабилась. Всего-то требовалось подать ужин, зажечь свечи, честно попытаться заставить шестнадцать рук вымыть друг дружку. Особое удовлетворение я испытывала при мысли о подарках и праздничном торте для Джоуи.

– Мороженое, и торт, и мороженое, – пел Барри.

Место для Лори было за одним концом стола, а для Джоуи – за другим. Мальчики сгрудились над подарками. Некоторые слегка удивились, обнаружив, что от их имени подарки получил и Джоуи, правда, никто и слова не сказал. Я скромно стояла у двери на кухню, радуясь, что в кои-то веки задание выполнено на отлично. Джоуи был очень рад и благодарен, не удержавшись, примерил полученный от Томми свитер. Чуть позже, когда подавали спагетти, а Роберт, исполняя задание на карточке, показывал, как толстая дама втискивается в телефонную будку с кипой свертков, Джоуи выбрался из-за стола и пришел на кухню, где я намазывала на ломти хлеба сливочное масло.

– Большое спасибо, – смущенно произнес он.

– С днем рождения, всего самого доброго, – пожелала я, удивляясь, что когда-то сторонилась этого вежливого мальчика.

– Спасибо, мэм, – снова поблагодарил Джоуи и вернулся за стол, а я вернулась к хлебу и маслу.

Уилли пытался одновременно похлопать себя по затылку и почесать живот, а Барри пронзительно интересовался, где же мороженое.

Я убедила мужа выйти из кабинета, чтобы отнести в столовую торт для Лори, а сама взяла торт для Джоуи.

– С днем рождения! – запели гости. – С днем рождения, Лори и Джоуи!

– С днем рождения, – не в лад подпевал Барри, – счастья и мороженого!

Я ушла вместе с мужем в кабинет, не подозревая, что почти настало время для бросания в цель помидорами.

– Кто этот другой мальчик? – спросил муж.

– Малыш Джоуи. Он очень подружился со всеми, играет в бейсбол и...

– Тот самый, что разбил окно на почте?

– ...и мисс Мур говорит, что он замечательно выполняет домашние задания, если его немного поощрить...

– Тот, что забросил кота Хенли в курятник?

– Ты бы сам растрогался до слез, если бы посмотрел, как он принимает подарки.

– Насколько мне известно, – сообщил муж, – если этот парень вздумает прогуляться по Плезант-стрит, то напорется на старину Мартина с дробовиком в руках.

– Да, конечно, – согласилась я, – если ты не веришь, что доброта и терпение...

– Ты столовое серебро-то пересчитай, – посоветовал муж.

Барри открыл дверь и заглянул в кабинет.

– Когда ужин? – уточнил он. – Приходите посмотреть на Лори в помидорах.

Позже, не обращая внимания на разбросанные помидоры, листья салата, хлебные крошки, нитки спагетти, обрывки бумаги, орехи, огрызки бечевки и перевернутые стулья, я стояла у задней двери с Лори и махала на прощанье уезжающим гостям.

– Большое спасибо за праздник, подарки и торт, – сказал Джоуи.

– На здоровье, – ответила я.

– Пока, Джоуи, – кивнул ему Лори. – Ну и ну! – добавил он, когда велосипед Джоуи отъехал подальше. – Ну и везет же Джоуи!

– Спасибо, что предупредил. Я бы стореда со стыда, если бы мы ничего не знали и совсем не поздравили Джоуи.

– Ну да, а ты знаешь, что ему подарят? Сегодня вечером он едет с дядей на бега и будет ставить на все заезды. Везет же! – Я рассмеялась, а Лори удивленно на меня посмотрел. – Что смешного?

– Ничего, – ответила я. – Наверное, я просто «на кураже».

– Что?

– На кураже, – повторила я. – Только отцу не говори.

Лори целую минуту смотрел на меня, наконец безнадежно тряхнул головой и одобритительно похлопал по плечу.

– Улетный день рождения, – одобрил он. – Пошли, старушка, пора прибраться.

Джек-потрошитель

На углу у светофора мужчина помедлил и неторопливо пошел по улице, вглядываясь в обгонявших его прохожих. Было далеко за полночь, и город почти опустел. Заметив на тротуаре мертвую девушку, мужчина остановился. Она лежала у самой стены здания, в нескольких шагах от нее сияла вывеска бара, куда мужчина и направился, но вдруг развернулся и подошел к девушке.

Она была так пьяна, что, когда он попытался ее поднять, осела, не открывая глаз и уронив руки на тротуар. Мужчина встал, минуту смотрел на нее и снова направился к бару. Внутри было почти пусто, лишь у дальнего конца стойки смеялись и болтали с барменом трое или четверо моряков. Неподалеку от входа к барной стойке привалился еще один человек, и вошедший, оглядевшись, подошел к группе у дальней стены.

– Послушайте, – обратился он к морякам, – на улице лежит девушка.

Одинокий мужчина у стойки молча посмотрел на говорящего.

– Я ее видел, – настойчиво продолжал вошедший, – она там. Мне кажется, надо что-то предпринять. Ей нельзя оставаться на улице. – Мужчина у стойки по-прежнему молча слушал. – Ей вряд ли семнадцать исполнилось.

– В задней комнате есть телефон, – произнес одинокий мужчина. – Позвоните мэру.

Бармен направился к вошедшему, и с каждым шагом его улыбка таяла. Дойдя до другого конца стойки, он остановился с совершенно серьезным выражением лица.

– Послушайте, – снова сказал вошедший, – на улице лежит девушка лет шестнадцати-семнадцати. Надо бы занести ее внутрь.

– Позвоните мэру, – посоветовал мужчина у бара, – номер в телефонной книге.

– Я просто шел мимо, – пояснил вошедший, – а она там лежит.

– Знаю, – нарушил молчание бармен.

– Упомяните в разговоре мое имя, – продолжил мужчина у барной стойки. – Скажите, что я посоветовал позвонить.

– Я уложил ее поудобнее, – сказал бармен. – Сумочку пристроил с ней рядом. – Он мягко улыбнулся. – Надеюсь, вы ее не потревожили.

– Но ей нельзя просто лежать там, – чуть повысил голос вошедший. – Вы же не оставите ее на улице?

– Он меня вспомнит, – кивая, сообщил мужчина у стойки.

– Но девушке лет пятнадцать или шестнадцать! – воскликнул вошедший.

Упершись обеими руками в край барной стойки и склонившись к надоедливому клиенту, бармен проговорил уже тверже:

– Она может встать и пойти домой, когда пожелает. Никто не заставляет ее лежать на улице. Сама поднимется и уйдет.

– Он меня вспомнит, – повторил мужчина у барной стойки.

– Она заявляется сюда каждый вечер, чтобы выпить, – сообщил бармен. – Иногда я наливаю ей пива просто так, бесплатно, может, еще и комнату ей дать? – Он отклонился назад, и голос его зазвучал мягче. – Спит как сурок, верно? – Резко развернувшись, он зашагал к другому концу стойки. – Просто пьяница, – сказал он морякам.

Мужчина, говоривший с барменом, вернулся к двери, открыл ее, и, помедлив на пороге, вышел.

– Передай ему, что я сказал, – крикнул вслед мужчина у стойки.

Девушка лежала в той же позе: лицом на тротуаре, упершись коленями в стену. Сумочка валялась рядом. Мужчина взял ее и открыл. Денег внутри не оказалось, зато обнаружилась дешевая губная помада, ключ, расческа и маленькая записная книжка. Мужчина сложил

обратно все, кроме записной книжки. Открыв ее, увидел на первой странице имя и адрес девушки. На следующих – целый список баров с адресами, а иногда и имена барменов. За первым шел другой список – на сей раз имена моряков. После каждого было указано название судна и дата, очевидно, дата последней швартовки в Нью-Йорке. Все записи были сделаны крупным детским почерком, некоторые – с ошибками. Между последних страниц хранилась фотография: девушка с двумя моряками по обе стороны. Все трое стояли очень близко, почти касаясь головами. Девушка на фото показалась мужчине довольной и совсем непривлекательной, сейчас, на земле, она выглядела почти симпатичной. Мужчина вложил фотографию в записную книжку, а записную книжку – в дамскую сумочку. С сумочкой в руках он вышел на угол и взмахом руки подождал такси. Попросив шофера подождать, он вернулся за девушкой, взял ее на руки, усадил в машину и пристроился рядом. Девушка распласталась на сиденье, а мужчина съезжился в углу, уступая ей место. Выслушав адрес, водитель взглянул на пассажира в зеркало над лобовым стеклом, пожал плечами, и машина тронулась.

Дом оказался в плохом районе, старом и грязном. Водитель, остановив машину, сообщил:

– Приехали, мистер. – Обернулся, бросил взгляд на пассажирку и с сомнением спросил: – Помощь нужна?

Мужчина за ноги выволок девушку из такси, поставил на тротуар, и, обхватив за талию, забросил себе на плечо. Придерживая ношу одной рукой, другой он вынул из кармана мелочь, расплатился с водителем, и, обхватив девушку за ноги, вошел в дом.

В коридоре светили газовые лампы, лестница была невероятно узкой и крутой. Мужчина постучал в первую дверь, сначала костяшками пальцев, а потом, помрачнев, каблуками девушкиных туфель, раскачивая ее ноги.

Откуда-то издалека, из глубины квартиры донесся женский голос:

– Кто там? – Наконец, дверь отворилась ровно настолько, чтобы в щель пролезла женская голова. В полутьме мужчина не смог разглядеть лица, но услышал, как женщина сказала: – Кто это? Роуз? Она живет на шестом этаже. Последняя квартира справа.

Дверь закрылась. Мужчина задумчиво посмотрел на ступеньки. В коридоре положить девушку было некуда, и, покрепче обхватив ее ноги, он пошел вверх по лестнице. На каждой площадке он останавливался, чтобы передохнуть, и, добравшись до шестого этажа, дышал тяжело, двигался медленно, с трудом переставляя ноги. Прислонившись на минуту к стене, он переложил девушку поудобнее и пошел к последней квартире справа. Там он опустил свою ношу на пол, открыл дамскую сумочку, вынул ключ и отпер им дверь. Внутри оказалось слишком темно, и мужчина зажег спичку, пытаясь осветить коридор. Он вошел в квартиру и, истратив три спички, обнаружил, наконец, свечу, которую зажег и поставил на комод в засохшую лужицу воска. В комнате уместились только узкая кровать и комод, на внутренней стороне двери болтались три крюка, на которых висели разорванное кимоно и пара грязных чулок. На комод валились шпильки и коробок спичек. Мужчина выдвинул четыре ящика комода – все они были пусты, кроме одного. В верхнем ящике он увидел консервный нож и две крышки от пивных бутылок. Оглядев комнату, мужчина вышел в коридор, приподнял девушку и, взяв ее подмышки, втащил внутрь. Он опустил ее на кровать и накрыл одеялом. Помедлив, вынул из сумочки записную книжку, отыскал в ней фотографию и положил в карман. Ключ он оставил на комод, а сумочку рядом с ключом. Прежде чем задуть свечу, мужчина вынул нож. С гладкой костяной ручкой и длинным, невероятно острым лезвием.

Такси он поймал на углу, продиктовал водителю адрес где-то в районе восточных семидесятих улиц, и совсем скоро оказался дома. Выйдя из лифта, мужчина остановился на минуту, оглядел свои руки и ботинки и аккуратно снял с рукава прилипшую нитку. Отпер дверь в квартиру и тихо прошел в спальню. Когда он включил свет, жена заворочалась в постели и открыла глаза.

– Который час? – сонно пробормотала она.

– Поздно.

Он подошел к ней и поцеловал.

– Почему ты так долго? – спросила она.

– Зашел после заседания в бар, пропустить стаканчик.

Положив ключи на комод, он взглянул на фотографию жены в узкой пластиковой рамке. Достал из кармана фотографию девушки с моряками и на мгновение задумался. Взяв из тумбочки жены маникюрные ножницы с пластиковыми кольцами, он вырезал девушку, отделив моряков. Этот фрагмент он вставил в нижний угол рамки с большой фотографией и закурил сигарету. Некоторое время он молча стоял, глядя на фото.

– Ты идешь спать? – окликнула его жена.

– Нет, – ответил он. – Пожалуй, приму ванну.

Медовый месяц миссис Смит (Вариант 1)

Войдя в бакалейную лавку, она сразу же поняла, что прервала своим появлением разговор о себе и своем муже. Бакалейщик, что-то доверительно шептавший покупателю, перегнувшись через прилавок, торопливо выпрямился и показал на нее быстрым взглядом. Все в магазине: и покупатели, и работники – тут же уставились на полки, витрины, на списки продуктов и в собственные корзины. Куда бы она ни взглянула, все старательно отводили глаза, а когда бакалейщик громко и четко ее приветствовал: «День добрый, миссис Смит», по залу прошелестел едва слышный вздох.

– Добрый день, – ответила миссис Смит.

– Что вам сегодня предложить? – нервно поглаживая прилавок, спросил бакалейщик. – Побольше еды на выходные?

Так он встречал всех или почти всех покупателей, даже совсем новых, вроде миссис Смит, однако сейчас его голос прозвучал с необычной теплотой, и от смущения бакалейщик закашлялся.

– Много не нужно, – ответила миссис Смит. – Мы с мужем, скорее всего, уедем на выходные.

И опять по магазину пронесся тихий долгий вздох. Она явственно ощутила, как люди подходят ближе, ловя каждое ее слово.

– Буханку хлеба, – сказала она. – Полпинты сливок. Маленькую баночку консервированного горошка.

Миссис Смит не отводила взгляда от списка, который составила дома, в своей квартире, перед самым выходом. Раньше, каких-то два или три дня назад, она, как и другие женщины, ходила вдоль бакалейных полок, теперь же, зная, что ее сторонятся, ограничиваясь острыми, искоса брошенными взглядами, просто стояла у прилавка и читала список бакалейщику. «Какие они все глупые», – подумала она и произнесла:

– Еще четверть фунта сливочного масла и три бараньи отбивные.

«Одну, – хотелось ей сказать им всем прямо в лицо, – одну баранью отбивную мне, а две – моему мужу. Моему мужу», – хотелось ей повторить, развернувшись и глядя им всем в лицо по очереди, потому что и старая дева тридцати восьми лет может встретить мужчину, который будет любить ее и защищать. «Хотя, – горестно вспомнила она, откуда им знать, как мы познакомились?»

– Может, кофе? – спросил бакалейщик. – Или чай?

– Фунт кофе, пожалуйста, – улыбнулась миссис Смит. – Я очень люблю кофе. Пила бы днями напролет, если бы могла себе позволить.

– Целый фунт? – пораженно уточнил продавец.

– Да, – она покрепче ухватилась за прилавок, чтобы не дрожать, и сообщила: – Мой муж не пьет кофе. А я – очень люблю.

И снова, хотя она уже была готова услышать вздох, тихий шелест прокатился по залу, и повисла выжидательная тишина. «Чего они все добиваются, – удивилась она, – хотят, чтобы я признала себя вдовой?» Мясник, услышавший ее заказ, молча прошагал через весь магазин и положил перед миссис Смит сверток с бараньими отбивными. Коротко взглянув на нее через плечо, он поспешил обратно к мясному прилавку.

– Это все, – сказала миссис Смит, и бакалейщик принялся яростно шелестеть бумажными пакетами, разворачивая их, чтобы упаковать заказ. «Одно из преимуществ заметных особ в том, – подумала миссис Смит, – что им никогда не приходится стоять в очереди. Я пришла позже всех, а между тем мои покупки уже...»

Бакалейщик вдруг склонился к ней через прилавок.

– Миссис Смит, – произнес он, – я понимаю, что, наверное, меня это не касается, однако у нас все и всё друг о друге знают и рано или поздно вам расскажут... – он беспомощно осекся в оглушающей тишине. – Кто-нибудь, расскажите ей! – попросил бакалейщик, – никто не издал ни звука и не двинулся с места.

Миссис Смит застенчиво рассмеялась.

– Не надо мне ни о чем рассказывать, – заявила она. – Я знаю, что веду хозяйство совсем недавно и наверняка наделала множество глупых ошибок. – Услышав знакомый вздох, она помедлила, но все же добавила: – Вы очень добры ко мне, и я всем благодарна за помощь.

– Ох ты господи, – выдохнул бакалейщик и, взмахнув рукой, повторил: – Ну, кто-нибудь?!

В ответ не раздалось ни звука.

– Что ж, большое спасибо, – смущенно проговорила миссис Смит.

Мимолетно улыбнувшись женщинам у полок, она подхватила сумку с покупками.

– Мы рассчитываем вернуться в понедельник, – сообщила она бакалейщику. – Желаю всем приятно провести выходные.

Он лишь уставился на нее, открыв рот, а миссис Смит пошла к выходу. Когда дверь за ней почти закрылась, в щель долетели слова: «И вы все молчите...» «Забавные они, – подумала миссис Смит, – в маленьких городках всегда осторожничают с чужаками. А я здесь для всех чужая, новое лицо, – радостно подумала она. Бывает же такое – прожить тридцать восемь лет и стать другим человеком. Миссис Чарльз Смит, – мысленно произнесла она. – Наверное, всех смущает некоторая моя безрассудность».

С таким отношением она встречалась и раньше. В сущности, она сама, Хелен Бертрам, первая удивилась и замерла, когда Чарльз Смит, нервно опустив глаза на рисовое печенье рядом с чайной чашкой произнес, едва не заикаясь:

– Скажите, а вы никогда не хотели... выйти замуж?

Тогда, наверное, на ее лице отразилось необычайное удивление, а потом, почти сразу, счастье, в которое ей верилось с трудом. «Хорошо, что он тогда на меня не смотрел, – подумала миссис Смит и едва не засмеялась. – Миссис Чарльз Смит». Она заметила, что стоит у витрины магазина женской одежды, и прохожие обязательно вообразят, что она с вожделием рассматривает ночные сорочки из черного кружева. «Боже мой, – подумала она, отступая от витрины и краснея. – Хоть бы меня никто не заметил. Только представьте: в моем возрасте...»

– Надеюсь, вы не сочтете меня дерзким, – сказал он ей в то золотистое утро две недели и три дня назад. – Надеюсь, вы не сочтете меня дерзким, если я обращусь к вам?

Она действительно сочла его невероятно дерзким и пришла в изумление, даже почти решила закутаться в черную шаль и холодно удалиться, а потом вдруг, навсегда изменив свою жизнь, ответила с улыбкой:

– Нет, ничуть.

– Сегодня чудесный день, – продолжил он.

– Чудесный.

– И морской бриз очень освежает.

– Очень освежает.

В тот вечер за ужином в ресторанчике на пирсе он печально поведал ей о покойной жене, о доме, запертом и покинутом после пятнадцати лет семейной жизни, о добром нанимателе, который дал ему отпуск на месяц, чтобы справиться с горем.

– Иногда бывает так одиноко, – признался он, и она кивнула, сочувствуя и одновременно завидуя его жене, которая прожила с ним целых пятнадцать лет.

Она поведала ему об отце и долгих годах одиночества – с хозяйством справляется, но молодость не вернется, у нее хотя бы есть средства, полученные по страховке, и этого хватит, если жить скромно.

– По крайней мере, мне не придется искать... работу или что-то вроде того, – поделилась она с новым знакомым.

– Наверное, вам тоже очень одиноко, – сказал он и легко похлопал ее по руке.

Даже салфетки в том ресторанчике на пирсе пахли рыбой, а на столе перекатывались соленые крошки.

– Потому я с вами и заговорил. Понимаю, это очень дерзко, но мне показалось, что вам тоже одиноко.

– Мне очень приятно, – смущенно призналась она, – что вы заговорили со мной.

– Моя жена... моя бывшая жена, Дженет, она бы очень рассердилась. И я боялся, что и вы рассердитесь. Она бы встала и ушла.

Припоминая, как она сама едва не встала и не ушла, Хелен Бертрам, будущая миссис Чарльз Смит, тихо засмеялась и ответила:

– Я бы сказала, что это неразумно. Взрослые одинокие люди имеют полное право познаться.

А потом, три дня спустя, они вместе пили чай в китайской чайной, и он, застенчиво глядя на рисовое печенье спросил, не хотела бы она выйти замуж. И сейчас, входя в дверь многоквартирного дома, где они поселились, пока не будет готов их собственный дом, миссис Смит раздумывала, уже не раз за прошедшие несколько дней, как стремительно могут измениться жизни двоих людей, по совершенной случайности, из-за чудесной погоды и легкого морского бриза, сочувственного слова и такого неожиданного утешения, – хотя, и миссис Смит совестливо в том себе призналась, в последнее время ее уже не так терзало горе потери. Она с некоторой нежностью подумала о первой жене, почившей Дженет, и снова, как не раз за последние дни, мысленно пообещала ей, что мистер Смит будет не менее счастлив со второй женой, чем был с первой.

Мистер Смит снял небольшую квартиру на третьем этаже, и подниматься по лестнице, особенно с покупками, миссис Смит приходилось с трудом, ведь она не молодела. Остановившись отдохнуть на площадке второго этажа, она вспомнила, слишком поздно, что на втором этаже живет миссис Армстронг, которая уже выказывала повышенный интерес к установлению добрососедских отношений. Спускаясь по этой лестнице по дороге в магазин, миссис Смит очень быстро миновала дверь квартиры миссис Армстронг и только услышала, как она открылась за ее спиной. Вот и снова эта дверь распахнулась – на сей раз миссис Смит поймали с поличным.

– Это вы, миссис Смит?

– Добрый день, – кивнула миссис Смит, торопливо направляясь к ступенькам.

– Подождите, я с вами.

Щелкнул замок, и дверь в квартиру миссис Армстронг захлопнулась. Миссис Армстронг, тяжело дыша, почти пробежала по коридору к лестнице, где остановилась миссис Смит.

– Я уж думала, упустила вас, – выдохнула миссис Армстронг. – Все ждала, когда вы вернетесь. Где вы были? В магазине?

В руках миссис Смит держала сумку с продуктами, и потому ей оставалось лишь кивнуть и идти дальше, однако миссис Армстронг была решительно настроена не отставать.

– А я-то думала, вы уже и не вернетесь. Так Эду и сказала, что ни дня, ни единого дня молчать больше не стану, все вам скажу. Вы бы тоже так поступили, я знаю. Мы же самые близкие соседи, ближе никого нет.

Поднявшись следом за миссис Смит на третий этаж, миссис Армстронг, тяжело дыша и держась за бок, дожидалась, когда миссис Смит откроет дверь в квартиру, где они с мистером Смитом поселились, пока скромный дом мистера Смита не будет готов. Миссис Армстронг – первый посторонний человек, вознамерившийся войти в маленькую квартиру, и миссис Смит

встревоженно осознала, что не так уж готова принимать гостей, ведь они почти не разобрали вещи и жили в ожидании скорого переезда в дом, а в квартире было пусто и неуютно.

– Мы не совсем еще обустроились, – извиняющимся тоном сказала миссис Смит, показывая на скудную мебель. – На самом деле, мы и пробудем-то здесь всего...

– Конечно, ах бедняжка, бедняжка. Он наверняка велел вам не разговаривать с соседями, да?

– Нет, – удивилась миссис Смит. – Я никогда не умела быстро заводить друзей, вот и...

– Ах бедняжка, бедняжка. Теперь все будет хорошо. Я так рада, так рада, что собралась с вами поговорить.

Миссис Смит поставила сумку с продуктами на кухонный стол и вернулась в гостиную. Повесила пальто в шкаф в коридоре, рядом с незнакомым плащом, который принадлежал мистеру Смигу, и даже, несмотря на присутствие миссис Армстронг, немного развеселилась при мысли, что делит шкаф с кем-то еще. Потом, когда она распакует все свои вещи в доме мистера Смита, у нее обязательно будет собственный шкаф, обитый кедровой древесиной, – мистер Смит рассказал, что раньше в нем хранила одежду первая миссис Смит.

Миссис Армстронг деловито прошла в кухню и принялась разбирать покупки.

– Совсем мало купили, – заметила она. – Может, выпьем кофе? Я могу сварить. Или он скоро вернется?

– Он будет только к ужину, – стараясь не отступать от дружеского тона, сообщила миссис Смит. – Спасибо, я с удовольствием выпью кофе. А продуктов я купила немного, потому что завтра мы уезжаем, надо проверить, как там в доме, ведь он долго пустовал.

«Ну вот, – подумала она, – я все и рассказала. Надеюсь, теперь мы сядем, выпьем кофе и спокойно поговорим о погоде, а потом она уйдет к себе».

– Уезжаете завтра? – Миссис Армстронг встревожилась и даже побледнела. – Завтра?

Она тяжело осела на кухонный стул и уставилась на хозяйку.

– У мистера Смита есть дом милях в пятнадцати от города. Он пустует уже несколько месяцев.

Миссис Смит вошла на кухню и села, раздумывая, каких еще подробностей ожидает от нее миссис Армстронг.

– Эту квартиру мы сняли всего на пару месяцев, чтобы привести в порядок дом за городом. В подвале...

– В подвале... – сдавленным шепотом повторила миссис Армстронг.

– В подвале нужно настелить новый пол. Мистер Смит займется полом, а я вымою окна и отчищу...

– Ах вы бедняжка, бедняжка, – вздохнула миссис Армстронг.

– Мне кажется, в вашем сочувствии я не нуждаюсь, миссис Армстронг, – миссис Смит добавила в голос резких ноток. Миссис Армстронг явно подразумевала критические замечания в адрес ее мужа, а миссис Смит видела обязанности жены вполне определенно, особенно жены человека, которого в последний момент спасла от печали и одиночества. – Мистер Смит уже был женат, но я едва ли могу вообразить, что его первая жена...

– Его первая жена... – повторила миссис Армстронг. – Конечно. Все шесть его жен.

– Что вы сказали?

– А вам не приходило в голову, почему все так удивляются, а некоторые даже собирались пойти в полицию, и пошли бы, если б полицейские были повежливее и не смотрели на нас, как на сумасшедших? Думаете здесь все слепые?

– Мне кажется, по соседству живут заботливые и добрые люди, и я очень благодарна...

– Об этом писали в газетах, – отчаянно проговорила миссис Армстронг. – Вы разве не знали?

– Я не читаю газет, миссис Армстронг. И с мистером Смитом у меня в этом отношении полное взаимопонимание, чему я весьма рада. Ни газет, ни радио, ни прочих...

– Надеюсь, – сурово произнесла миссис Армстронг, – надеюсь, вас не слишком ранит – о, только послушайте, что я несу! – надеюсь, вы сможете взглянуть на вырезку из газеты, которая у меня с собой. Или хотя бы на фотографию.

Миссис Смит, слегка развеселившись, бросила короткий взгляд на обрывки газеты, которые миссис Армстронг вынула из кармана фартука. «Сенсации, – подумала миссис Смит, – некоторые просто жить не могут без сенсаций».

– Очень интересно, – вежливо сказала миссис Смит.

– И как вам фотография? Никого не напоминает?

– Едва ли, миссис Армстронг. Фото моих знакомых в газетах не печатают.

– Ну-ну. – Миссис Армстронг откинулась на спинку стула и тяжело вздохнула. – А знаете, что он сотворил, этот парень, про которого здесь пишут?

– Признаю, я о нем не читала.

Миссис Армстронг взяла обрывки газетной страницы и внимательно на них посмотрела.

– Шесть жен, – сообщила она, – утопил в ванной. Всех нашли зарытыми в подвале. Всех шестерых.

Миссис Смит громко рассмеялась.

– Я понимаю, вам нравятся такие истории, – начала было она, но миссис Армстронг прервала ее.

– Фотография попала в руки полиции случайно: сосед заметил, как тот парень входил в коттедж и успел сфотографировать. Вот коттедж. Потом, когда нашли... раскопали подвал... взяли этот снимок и увеличили. Можно узнать. Вполне.

– Миссис Армстронг, я, право...

– Так вот, тот парень где-то на свободе, и никто не знает – где. Убийца. Топит жен в ванной и закапывает...

Кофе закипел, и миссис Смит тут же бросилась к плите, переставила кофейник и потянулась за чашками и блюдцами. «Вторую чашку кофе я ей не предложу, – думала миссис Смит. – Эту выпьет – и я все уберу, а если не перестанет перебирать жуткие подробности, попрошу больше не приходить. В любом случае, при следующей встрече буду с ней холодна. Она не из тех, кого одобрит мистер Смит. Что если эта женщина вообразит себя близкой подругой и явится к нам в дом? Что подумает Дженет, – улыбнулась тайком миссис Смит, о да, что же подумает дорогая Дженет, если такая женщина перешагнет порог ее дома?»

– Вам с сахаром? – вежливо осведомилась миссис Смит.

Миссис Армстронг нетерпеливо барабанила пальцами по столу.

– Послушай, милая, – сказала она, как только миссис Смит обернулась. – Я не сую свой нос, куда не надо, но и ты попробуй взглянуть на все с нашей колокольни. Ты нам – и я говорю за всех, кто живет по соседству, ведь мы все видели фотографию и все согласны, а некоторые даже хотят пойти в полицию, – так вот, ты нам нравишься. С тобой нелегко подружиться, это да, однако никто о тебе плохого слова не сказал и сказать не может. А если мы и ошибаемся, то первыми это признаем.

– Вы все очень добры, и я благодарю вас за такое мнение. Я действительно весьма стеснительна, хоть и пытаюсь исправиться.

– Он заставил тебя переписать на себя страховку? – без обиняков задала вопрос миссис Армстронг.

Миссис Смит растерялась.

– Он? Вы имеете в виду мистера Смита?

– Его самого.

– Ну... да. Так ведь поступают почти все супруги? Самое меньшее, что мы можем сделать друг для друга, – повторила слова мистера Смита миссис Смит. – Если что-то случится с одним из нас, другому не придется бедствовать. Конечно, деньги не заменят бесценного супруга, да только мы уже не так молоды, как когда-то...

– Не хочу тебя пугать, – не унималась миссис Армстронг. – Мы все желали бы ошибиться, как я уже говорила, и первые в том признаемся. И все же, как вы познакомились?

– Право, – густо краснея, пробормотала миссис Смит. – Это все же...

– Тебе ничего не показалось странным? Или подозрительным?

– Мистер Смит раньше был женат, – терпеливо объяснила миссис Смит. – На замечательной, добродетельной женщине, и сам мне о ней рассказал. Мы все обсудили, и, уверяю вас, я вовсе не собираюсь занимать ее место. Мистер Смит и я – очень одинокие люди, и вряд ли можем ожидать, что наша семейная жизнь хоть чем-то станет похожа на безумства двадцатилетних. У меня нет ни малейших причин подозревать, что мистер Смит обошелся со мной бесчестно или что-то утаил от меня.

– Ты порылась в его вещах?

– Миссис Армстронг!

– Ну, а как еще узнать, прячет ли он нож или пистолет... хотя нет. Он-то справляется иначе. – Миссис Армстронг вздрогнула. – Не знаю... по мне, лучше бы ножом, – сказала она. – А то в ванной...

Миссис Смит постаралась ответить как можно вежливее.

– Миссис Армстронг, я вас со всей серьезностью уверяю, что ничуть не интересуюсь жуткими преступлениями. Не подумайте, будто я пытаюсь критиковать ваше увлечение убийствами и трупами, однако мне эта тема совершенно не нравится. Давайте за кофе поговорим о чем-нибудь другом?

– Расхотелось мне кофе, – мрачно ответила миссис Армстронг и встала. – Только не говори, что я тебя не предупреждала.

Миссис Смит засмеялась, втайне радуясь, что гостя уходит и не засиживается.

– Порой в городе мы становимся свидетелями ужасных происшествий, – заметила она. – Я очень рада, что мы переезжаем в коттедж.

Миссис Армстронг остановилась у входной двери и красноречиво взмахнула руками.

– Послушай, – сказала она, – если тебе вдруг понадобится помощь – какая угодно, в любое время – позови нас, просто открой рот и кричи, понимаешь? Мой Эд прибежит, как только услышит. Ты кричи или топай по полу посильнее, а если сумеешь, беги к нам. Кто-нибудь тебе всегда откроет. Помни, если что – кричи.

– Спасибо, – кивнула миссис Смит. – Я непременно обращусь к вам, если мне что-нибудь потребуется.

Миссис Армстронг уже начала закрывать за собой дверь, как вдруг вновь ее распахнула.

– И смотри, ванну не принимай, ни в какую, – старательно добавляя в голос шуточных ноток, велела она. – Спасибо за кофе! – донеслось уже с лестницы.

Миссис Смит с облегчением вздохнула и вернулась на кухню, убирать со стола. Вымыв и высушив две чашки и два блюда, она взяла другую чашку и наполнила ее кофе. Удобно устроившись в гостиной у окна, миссис Смит смотрела на темную и грязную улицу внизу и погружалась в уже почти привычное состояние тихого счастья. «Всего три недели назад, – сказала она себе, – я была совершенно одинока и несчастна. Отец умер, я осталась совсем одна и... – тут она быстро пропустила неприятную мысль – и все думала, как это будет, если войти в море и идти, не останавливаясь, дальше и дальше, а потом он сел рядом и спросил: “Надеюсь, вы не сочтете меня слишком дерзким?..”» Миссис Смит тихо засмеялась и отхлебнула кофе.

Она как раз жарила бараньи отбивные, когда в дверном замке щелкнул ключ ее мужа. Миссис Смит вышла в гостиную. Они еще не совсем привыкли друг к другу, и потому миссис

Смит не побежала мужу навстречу. Когда он прошел почти через всю комнату, к ней, и нежно коснулся ее лба губами, она растрогалась.

– Как поживает моя жена? – спросил он.

– Скучала по тебе. Дела идут хорошо?

– Да. Похоже, я все устроил.

– Знаешь, я сию минуту поняла, что даже не знаю, по вкусу ли тебе бараньи отбивные.

Надеюсь, тебе понравится.

– Мое любимое блюдо, – ответил он. Войдя на кухню, он опустился на стул, на котором недавно сидела миссис Армстронг. – Ничего особенного сегодня не произошло?

– Нет. – Миссис Смит сосредоточенно оглядывала накрытый разномастной посудой стол. Уж в собственном доме у нее будет достаточно тарелок одного цвета и столового серебра. – Заходила соседка снизу.

Повисла минутная тишина. Потом мистер Смит безразлично поинтересовался:

– Что она хотела?

Миссис Смит аккуратно разложила на тарелках бараньи отбивные, горошек и добавила мистру Смиту печеный картофель.

– Посплетничать, – ответила она. – Мы пили кофе, и она все говорила и говорила, я даже подумала, что она никогда не уйдет.

– О чем же она говорила? Не представляю, чем такая женщина могла бы заинтересовать тебя?

– Знаешь, я почти не слушала. Мечтала, чтобы поскорее от нее избавиться. Она обожает смаковать подробности убийств, такие ужасные, что я едва смогла допить кофе.

– О чем же она рассказала?

– Наверное, пересказывала сюжет фильма, – уклончиво ответила миссис Смит. – Бараньи отбивные прожарились?

– Прекрасно прожарились. – Мистер Смит взялся за вторую отбивную. – Ты прекрасно готовишь, – с некоторым удивлением заметил он. – Ко всему прочему ты еще и отличная повариха.

Миссис Смит тихо засмеялась.

– К чему – прочему? – уточнила она. – Я думала, ты женился на мне, чтобы было кому вести домашнее хозяйство.

– Кстати, насчет дома и хозяйства, – сказал мистер Смит. Проглотив баранину, он отложил вилку. – Почему бы нам не поехать за город сегодня, сразу после ужина, а не ждать до завтра?

– Я не против, – поколебавшись, согласилась миссис Смит. – Мне очень хочется поскорее увидеть наш дом.

– Так поехали – никому нет до нас дела. Какая разница, куда мы едем и когда. Переночуем в доме. Электричество подключено, вода есть – обойдемся.

– Хорошо, – кивнула миссис Смит. – Небольшие неудобства меня не пугают. В конце концов, у нас будет достаточно времени, чтобы сделать все так, как нам нравится.

– И тогда, – сказал будто бы сам себе мистер Смит, – я с самого утра займусь подвалом.

Медовый месяц миссис Смит (Вариант 2)

Тайна убитой невесты

Войдя в бакалейную лавку, она явно прервала своим появлением разговор о себе и своем муже. Бакалейщик, что-то доверительно шептавший покупателю, перегнувшись через прилавок, торопливо выпрямился и указал на нее быстрым взглядом, а покупатель, старательно делая вид, будто изучает что-то в противоположной стороне, лишь спустя минуту обернулся и коротко, но пристально посмотрел на нее.

– Доброе утро, – поздоровалась она.

– Что вам сегодня предложить? – спросил бакалейщик, стреляя глазами налево и направо, убеждаясь, все ли видят, как храбро он разговаривает с миссис Смит.

– Много не нужно, – ответила миссис Смит. – Скорее всего, я уеду на выходные.

По магазину пронесся тихий, долгий вздох. Она явственно ощутила, как люди подступают ближе, – дюжина покупателей, бакалейщик, мясник, продавцы, все придвинулись к ней, ловя каждое слово.

– Маленькую буханку хлеба, – четко выговорила она. – Пинту молока. Самую маленькую баночку консервированного горошка.

– Не хватит до понедельника, – с удовлетворением произнес бакалейщик.

– Возможно, я уеду из города, – повторила она и снова услышала долгий вздох.

Она подумала: «Как же глупо мы все себя ведем. Я уверена ничуть не более, чем они, мы все только подозреваем, и, конечно, никто не может знать наверняка... но какой смысл покупать много впрок, если все испортится, сгниет, пока...»

– Кофе? – спросил бакалейщик. – Чай?

– Фунт кофе, пожалуйста, – с улыбкой попросила она. – Я очень люблю кофе. Думаю, выпью весь, прежде чем...

Повисла выжидательная пауза, и миссис Смит торопливо договорила:

– Еще четверть фунта сливочного масла и, наверное, две бараньи отбивные.

Мясник, тщетно притворявшийся безразличным, тут же упаковал бараньи отбивные и прошествовал через весь магазин, чтобы опустить сверток на прилавок, пока бакалейщик считал заказ.

«Пожалуй, единственное преимущество в нынешнем состоянии, – думала она, – мне нигде не приходится стоять в очереди. Все будто бы знают, как я тороплюсь доделать всякие мелочи. И еще, наверное, никто не хочет терпеть меня поблизости слишком долго, особенно как только рассмотрят и найдут новую тему для разговора».

Когда все покупки были сложены в сумку, и бакалейщик собрался передать ее через прилавок, он вдруг замешкался, будто набираясь храбрости что-то ей сказать. Она прекрасно понимала его настроение и даже примерно представляла, что он хотел ей поведать: «Послушайте, миссис Смит, – начал бы он трогательную речь, – мы вовсе не желаем совать нос не в свое дело, и, конечно, мы не то чтобы во всем совершенно уверены, но, мне кажется, вы должны бы уже заметить, что все происходящее ужасно подозрительно, и мы просто решили – тут он оглядит всех, приглашая присутствующих поддержать его, всех, от мясника до работников магазина, – мы поговорили и... как бы получше выразиться... мы поняли, что кто-то должен вам все рассказать. Люди, полагаю, и прежде ошибались в отношении вас? Или в отношении вашего мужа? Потому что, конечно, никто не хочет вот так запросто подойти к вам и

высказаться, когда они вполне могут ошибаться. И, конечно, чем больше все об этом говорят, тем труднее понять, правы мы или нет...»

Мужчина в винном магазине сказал ей примерно такие слова. Впрочем, под ее холодным, строгим взглядом он постепенно стал заикаться и умолк. Аптекарь тоже начал было подобную речь, однако тут же покраснел и заключил: «Не мое это дело, пожалуй». Женщина в библиотеке, хозяйка пансиона, окинула нервным, оценивающим взглядом, соображая, знает ли она, сказал ли ей кто-нибудь, и в конце концов обошлась с ней на редкость мягко и терпеливо, как с неизлечимой больной, не способной вымолвить ни слова жалобы. В их глазах она – другая. И если весь этот ужас не существовал в реальности (а они надеялись, что существовал), ее, по их разумению, поглотило настолько невероятное и невыносимое оцепенение, что общие забота и тревожения более чем оправданы. А если же сей ужаснейший кошмар существовал на самом деле (и они надеялись, что так и есть), то все вместе и каждый из них по-отдельности – и бакалейщик, и хозяйка пансиона, и работники магазина, и аптекарь – жили не зря, провели свои дни с высшим удовольствием, находясь так близко и все же в совершенной безопасности от невыносимого кошмара. Если неопикуемый ужас существовал в реальности (и они надеялись, что так и было), миссис Смит являлась для них и спасением, и героиней – хрупким, прелестным созданием, за чью сохранность они не отвечали.

Кое-что из этого миссис Смит смутно осознала, возвращаясь с продуктами в квартиру. По крайней мере, сомнения ее не мучили, она почти совершенно уверилась: то самое, внушающее ужас, являлось правдой по меньшей мере три недели и шесть дней, с тех пор как она встретилась с ним лицом к лицу на скамье у океана.

– Надеюсь, вы не сочтете меня грубым, – сказал тогда мистер Смит, – если я начну разговор словами: «Сегодня чудесный день».

Она подумала, что он невероятно дерзок, подумала, что он неслыханно вульгарен, однако грубым она бы его не сочла. Охарактеризовать собеседника таким словом казалось смешным.

– Нет, – ответила она, узнавая его. – Я не сочту вас грубым.

Попытайся она описать происходящее хотя бы себе самой – описать другому вряд ли бы вышло, – то, возможно, выразилась бы, используя цитату из Библии, одну из тех, что изучила столь тщательно, – что она избрана свыше, или что ее, безвольную, несет течением реки прямо в море. Или сказала бы, что вернулись прежние времена, когда она не сомневалась в решениях, которые принимал ее отец, а лишь молча исполняла приказы, и теперь с облегчением готова признать, что снова решать станут за нее, и жизнь, predetermined, как раньше, вновь обретет ясность. Или произнесла бы, непременно краснея из-за двусмысленности, что они, как и все супружеские пары, – две половинки того, что в сущности является естественным единением.

– Временами бывает очень одиноко, – обронил он в тот вечер за ужином в ресторане у моря, где даже салфетки пахли рыбой, а голые дощатые столы шершавились крупными солью. – Одинокому человеку нужен хоть кто-нибудь. – И спохватившись, что его слова прозвучали не слишком тепло, торопливо добавил: – Конечно, не всем выпадает удача встретить такую очаровательную юную леди, как вы.

Она жеманно улыбнулась, прекрасно понимая, что близится решение ее судьбы.

Спустя три недели и шесть дней на ступеньках обшарпанного многоквартирного дома она коротко представила себе ближайшие выходные: ей по совершенно очевидной причине вовсе не хотелось покупать слишком много продуктов, но если все повернется так, что она окажется здесь, то в воскресенье еду купить не удастся. «Значит, ресторан, – подумала она, – нам придется пойти в ресторан», – они не были в ресторане с того первого вечера вместе, хотя им, в сущности, не приходилось экономить. И все же они понимали, что их относительно крупный общий счет в банке не стоит тратить попусту. Вслух они об этом не говорили, однако миссис Смит с ее особым чутьем прониклась уважением к тому, как муж распоряжается семейным бюджетом, и безмолвно с ним согласилась.

Три пролета узкой и высокой лестницы представлялись миссис Смит символами, которые она унаследовала; символами, всегда жившими в ее сознании и возвращающимися к ней то и дело; теперь же они стали в ее глазах вечными ступенями вверх, ввысь – как неизменный образ всей ее жизни. Иного выбора у нее не было, лишь идти вверх, подниматься с усилием, если уж иначе никак. Стоило развернуться и пойти вниз, по тем же самым вехам, что она запомнила, поднимаясь, тогда пришлось бы вновь подниматься, начав, как она уже почти поняла, поиск неизменного пути, который всегда оканчивался бы одним и тем же.

– Так со всеми бывает, – утешила она себя, поднимаясь по лестнице.

Гордость бы не позволила ей искать себе оправдания, а потому она даже не старалась ступать тише по площадке второго этажа. Повернув на следующий пролет, она подумала, что избежала неудобств, однако едва она остановилась у своей квартиры, как дверь на втором этаже открылась и послышался пронзительный голос миссис Джонс – она дышала так тяжело, будто бежала из самого дальнего уголка квартиры, как только слышала шаги на лестнице.

– Миссис Смит, это вы?

– Здравствуйте! – крикнула в ответ миссис Смит.

– Подождите, я поднимаюсь к вам. – Замок на двери миссис Джонс щелкнул, и сама миссис Джонс торопливо, все еще тяжело дыша, пробежала по площадке второго этажа и поднялась на третий. – Я уж думала, вас упустила, – сказала она еще на ступеньках, и добавила: – Ох, боже милостивый, у вас усталый вид.

С миссис Смит все обращались, как с драгоценным сосудом. Малейшее отклонение от нормы в течение чуть более недели тут же отмечалось и становилось предметом сплетен; легкая бледность ее лица приводила к тревожным обсуждениям, перемены в тембре ее голоса, затуманенный взгляд, едва заметная небрежность в одежде – соседи жили болтовней об этих мелочах. Миссис Смит недавно подумала, что лучшим подарком для миссис Джонс был бы ужасающий грохот, произведенный в квартире на третьем этаже, однако с тех пор уверилась, что это не важно – миссис Джонс удовлетворялась самыми мелкими крошками.

– Я уж думала, вы никогда не вернетесь, – продолжила между тем миссис Джонс.

Она вошла следом за миссис Смит в пустую маленькую комнату, которая – вместе с тесной спальней, грязной кухней и ванной комнатой – и составляла квартиру, где мистер и миссис Смит проводили свой медовый месяц. Миссис Джонс понесла покупки на кухню, а миссис Смит повесила пальто в шкаф. Она не стала разбирать большинство своих вещей, и потому в шкафу было пусто – всего два или три платья, легкое полупальто и сменный костюм мистера Смита. Это ведь их временное жилище, остановка на пути. Миссис Смит смотрела на свои три платья без сожаления, да и костюмы мистера Смита пока не вызывали в ней особого восхищения, хотя и оставались чужаками, оказавшимися рядом с ее одеждой (совсем как его нижнее белье в комод, мирно лежавшее рядом с ее бельем). Ни мистер, ни миссис Смит не принадлежали к тому разгульному типу молодых людей, которые бездумно тратятся на приданое или собирают всякие мелочи без особого смысла.

– Ну-с, – произнесла выходя из кухни миссис Джонс, – вы явно не намерены слишком много готовить в эти выходные.

Частная жизнь миссис Смит была не только ее достоянием.

– Я подумала, что, возможно, уеду на выходные, – отозвалась миссис Смит.

И опять повисла особая выжидательная тишина. Миссис Джонс бросила на миссис Смит короткий взгляд и отвернулась, а потом решительно села на узкий диван, явно готовая перейти к делу.

– Вот что, послушайте, миссис Смит, – начала было она, однако тут же осеклась. – Что это все миссис да миссис? Зовите меня Полли, а я стану звать вас Хелен. Договорились? – Она улыбнулась, и миссис Смит, улыбнувшись в ответ, подумала: «Как эти люди узнают чужие имена?» – Так, ну теперь послушай Хелен, – с дружеской непосредственностью продолжила

миссис Джонс, – мне кажется, пришло время серьезно с тобой поговорить. Ты же знаешь, как о тебе судачат?

Вот мы, думала Хелен Смит, две женщины, такие одинаковые: одна застыла в неудобной позе у окна – на ней коричневое платье и коричневые туфли, волосы у нее тоже темные, и, в сущности, она ничем не отличается от другой, сидящей грузно и уверенно – на этой женщине зеленое с розовыми цветами домашнее платье и шлепанцы. Мы почти ничем не отличаемся, хотя обе с негодованием отвергли бы саму мысль о том, что мы, в сущности, одинаковы в поисках одной и той же судьбы. И вот мы приступаем к разговору на совершенно необыкновенную тему.

– Я заметила, – осторожно произнесла миссис Смит, – что окружающие проявляют к нам исключительно острый интерес. Это мой первый медовый месяц, и потому я не знаю, всегда ли так бывает. – Она слабо рассмеялась, однако миссис Джонс чувствительностью не пронять.

– Мне кажется, ты прекрасно все понимаешь, – возразила та. – Ты же не потеряла голову из-за мужа.

– Вообще-то... нет, – вынуждена была признать миссис Смит.

– И к тому же, – с некоторым цинизмом поглядывая на миссис Смит, продолжила миссис Джонс, – ты не какая-нибудь краснеющая по всякому поводу восемнадцатилетняя девчонка, да и мистер Смит не молод. Вы оба люди пожившие. – Миссис Джонс, по-видимому, высказала давно назревшее соображение и потому повторила свою мысль: – Ваша молодость осталась в прошлом, и никто не ожидает, что вы станете ворковать как голубки. Кроме того, ты и сама достаточно взрослая, чтобы осознать весь ужас положения.

– Не понимаю, что именно я должна осознать, – неуверенно произнесла миссис Смит.

– Боже ты мой! – миссис Джонс беспомощно вскинула руки. – Неужели ты не понимаешь? Все это знают. Вот смотри. – Откинувшись на спинку дивана, она приготовилась объяснять. – Ты приехала сюда неделю назад, сразу после свадьбы, и поселилась в этой квартире вместе с мужем. Все тут же догадались: что-то здесь нечисто. Во-первых, вы совсем друг дружке не подходите, такие разные. Сама понимаешь, о чем я – ты вся такая воспитанная, настоящая леди, а он...

«Грубый, – подумала миссис Смит, желая рассмеяться. – Он сам сказал, что – грубый».

Миссис Джонс пожала плечами.

– Во-вторых, – продолжила она, – ты здесь, у нас, в этих закоулках не к месту, ты чужая, потому что у тебя всегда было предостаточно денег. Уж поверь мне, у меня и у других таких средств нет, а ты ведешь себя так, будто заслуживаешь большего. Ну и, в-третьих, – торопясь подойти к кульминации, заключила миссис Джонс, – не прошло и двух дней, как все узнали твоего мужа – его фотография была в газете.

– Я понимаю, к чему вы клоните, – сказала миссис Смит, – но фотография в газете...

– Тогда-то мы и сложили два и два, – заявила миссис Джонс. – Молодожены. Дешевая квартира. Ты написала завещание в его пользу? Или оформила страховку?

– Да, но это совершенно естественно...

– Естественно? А он, похожий как две капли воды на человека на фотографии, который уб... – она не договорила. – Не хочу тебя пугать, но тебе следует узнать обо всем.

– Я ценю вашу заботу, – проговорила миссис Смит, отходя от окна, чтобы встать прямо перед гостьей – теперь миссис Джонс была вынуждена смотреть на хозяйку снизу вверх. – Все это для меня не ново. Однако очень многие супруги завещают друг другу все, и страховку в том числе, разве не так? А многие ли тридцатилетние женщины выходят замуж за сорокалетних мужчин? И наверняка мужчины бывают похожи на фото из газет? При всех сплетнях, которые преследуют нас, никто так и не решился сказать ничего определенного, верно?

– Дня два-три назад я хотела пойти в полицию, – мрачно сообщила миссис Джонс. – Эд мне не позволил.

- Скорее всего, он сказал, что это вас не касается.
- Но мы не знаем, что и думать, – пожалала плечами миссис Джонс, – и, конечно, никто ничего точно не знает.
- Вы так ничего и не поймете, пока... – миссис Смит попыталась сдержать улыбку. Миссис Джонс вздохнула.
- Не надо так говорить.
- Но что же вы предлагаете?
- Найди хоть какую-нибудь информацию, – посоветовала миссис Джонс. – Надо точно знать, чего ожидать.
- И все же: есть только один способ выяснить, что случится.
- Не надо так говорить.
- Я могла бы сбежать от мужа, – предположила миссис Смит. Миссис Джонс удивленно округлила глаза.
- Нельзя взять и сбежать от мужа. А если все не так, то ты просто не можешь этого сделать.
- У меня нет ни малейших оснований для развода, – сказала миссис Смит. – Будет очень трудно завести такой разговор с мужем.
- Само собой, обсуждать это вы не будете, – подтвердила миссис Джонс.
- Само собой, – кивнула миссис Смит. – Обыскать его одежду я тоже не могу – насколько мне известно, в карманах костюма, который висит в шкафу, ничего нет, а обыщи я карманы пальто и ящики комода, это ничего не даст.
- Но почему?
- Ну, понимаете, даже если я найду, скажем, нож – что это изменит?
- Но он делает это не... – миссис Джонс снова осеклась.
- Я знаю, – кивнула миссис Смит. – Насколько я помню, и должна признать, что не читала все статьи, в конце концов, он как правило делает это...
- В ванной, – вздрогнув, выговорила миссис Джонс. – Не знаю, мне кажется, лучше уж ножом.
- Выбираем не мы, – криво усмехнулась миссис Смит. – Послушайте, о каких глупостях мы разговариваем? Как дети, которые пугают приятелей историями о привидениях. Еще немного, и мы убедим друг дружку в чем-то совершенно ужасающем.
- Миссис Джонс, поколебавшись, решила, что слегка обижена последним заявлением.
- Я всего лишь хотела сообщить, – с достоинством произнесла она, – что говорят люди. И если остановиться хоть на минуту и подумать, то вполне можно догадаться, почему тебе хотят помочь. В конце концов, не я все это затеяла.
- И все же я считаю, вам не стоит так тревожиться, – мягко возразила миссис Смит.
- Миссис Джонс встала и пошла к выходу, однако уже у двери, не удержавшись, обернулась и настойчиво проговорила:
- Послушай, если тебе вдруг понадобится помощь – какая угодно помощь, в любое время – просто позови нас, открой рот и кричи, понимаешь? Мой Эд прибежит, как только услышит. Ты кричи или топай по полу посильнее, а если сумеешь, беги к нам. Мы будем тебя ждать. – Она открыла дверь и добавила, стараясь говорить шутливо: – Ты смотри, ванну не принимай, ни в какую. – И уже с лестницы донеслось: – Если что – кричи. Мы услышим.
- Миссис Смит торопливо закрыла дверь и машинально пошла на кухню, взглянуть, как там покупки, но оказалось, что миссис Джонс все разложила по местам. Миссис Смит отыскала упаковку в полфунта кофе и отсыпала немного в кофейник, припоминая, как обещала бакалейщику, что выпьет все сама. Мистер Смит пил кофе редко и понемногу – напиток приводил его в сильное возбуждение.

Миссис Смит, проходя по маленькой бесцветной кухне, подумала, как думала уже не раз, что не смогла бы прожить всю жизнь рядом с такими вещами. Когда она жила с отцом, все было иначе – безмятежное, упорядоченное существование, мирно протекавшее среди того, что она если и не любила, то хотя бы рядом с чем проводила время с удовольствием, наслаждаясь почти красотой порядка. Там и тогда миссис Смит, которую звали Хелен Бертрам, подолгу работала в саду, штопала отцовские носки или пекла ореховый пирог по рецепту, который узнала от матери, и лишь иногда останавливалась, чтобы подумать: что же готовит ей жизнь?

Когда отец умер, она осознала, что ее обрывочное существование более не имело смысла и являлось скорее отражением воли ее отца, нежели проявлением ее собственной. И потому, когда мистер Смит сказал ей: «Я полагаю, вы вряд ли решитесь выйти замуж за кого-нибудь, вроде меня», Хелен Бертрам согласно кивнула, моментально разглядев повторяющийся рисунок, который идеально завершал общую картину.

На свадьбу она надела свое лучшее темно-синее платье, а мистер Смит – темно-синий костюм, и они выглядели пугающе похожими, когда шли рядом по улице. Сначала они направились к юристу, чтобы составить завещания, а потом в страховую компанию. По пути мистер Смит задержался и настоял на том, чтобы купить миссис Смит маленькую войлочную собаку, которая ей приглянулась – игрушки продавали на углу, вокруг киоска толпились на тротуаре крошечные заводные собаки – они бегали кругами и пронзительно попискивали, как будто лая. Миссис Смит взяла коробку с собакой в контору страховой компании и поставила на стол. Пока они ждали врача, миссис Смит открыла коробку и обнаружила, что не хватает ключа. Мистер Смит, раздраженно бросив «эти уличные бродяги вечно пытаются всех надуть», поспешил обратно, однако не нашел на прежнем месте ни киоска, ни продавца, ни заводных собак.

– Такой обман злит меня больше всего, – заявил он миссис Смит.

Теперь игрушечная собака стояла на кухонной полке, и миссис Смит, поглядывая на игрушку, думала: смотреть на эту безвкусную безделушку всю жизнь? Нет, я бы не вынесла. Иногда она с горечью вспоминала дом своего отца, осознавая, что прежняя жизнь ушла навсегда, однако, как говорила она себе, «теперь у меня открылись глаза». «Все должно произойти совсем скоро, – вдруг подумала миссис Смит, – люди удивляются почти в открытую. Все ждут. Если этого не случится, все пойдет прахом». Когда кофе сварился, она налила себе чашку и пошла в гостиную, где опустилась на диван, на то самое место, где сидела миссис Джонс, и подумала: все должно произойти как можно скорее – в конце концов, у нас даже нет продуктов на выходные, и если я останусь здесь, то придется в понедельник отдать платье в чистку, а завтра пора платить хозяину квартиры за следующую неделю. Был еще фунт кофе – и с ним что-то нужно сделать.

Допив четвертую чашку кофе – она пила торопливо, даже отчаянно, – миссис Смит услышала на лестнице шаги мужа. Они все еще держались друг с другом скованно, и потому она помедлила и не пошла ему навстречу, и лишь когда дверь открылась, миссис Смит встала и смущенно направилась к мужу, гадая, захочет ли он ее поцеловать. Она так и стояла, выжидая, пока он вежливо приблизится к ней и поцелует в щеку.

– Где ты был? – спросила миссис Смит, хотя ничего подобного говорить не собиралась, и когда произносила эти слова, поняла, что правды не услышит.

– В магазине, – ответил он.

Под мышкой он сжимал несколько коробок – выбрав одну из них, подал ее жене.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила она, прежде чем открыть подарок.

Она сразу определила, на ощупь и по обертке, какие были в ходу в аптеке, что у нее в руках коробка конфет, и с чувством, которое она испытала позже и узнала, что это и есть триумф, миссис Смит подумала: конечно, коробку придется оставить – как доказательство того, что недавний жених, а теперь муж, все еще дарит подарки недавней невесте. Она открыла

коробку. Хотела было взять конфету, однако подумала: нет, только не перед ужином, и еще подумала: пожалуй, сегодня это не важно.

– Хочешь? – спросила она мужа, и он взял себе из коробки конфету.

Ничто в его движениях не казалось странным или нервным, но когда она произнесла: «Во второй половине дня заходила миссис Джонс», он тут же поинтересовался:

– Чего хотела эта старая сплетница?

– Мне кажется, она просто завидует, – ответила миссис Смит. – Ей муж давно не уделяет внимания.

– Представляю.

– Начинать готовить ужин? – поинтересовалась миссис Смит. – Или хочешь пока отдохнуть?

– Я не голоден.

Вот теперь, впервые, он повел себя странно, и у миссис Смит промелькнула мысль: а я была права насчет продуктов на выходные, я все правильно поняла; и он не спросил, голодна ли она, потому что – и теперь каждый из них понял, что другой все знает, – это не имело никакого смысла.

Миссис Смит решила, что говорить что-нибудь сейчас – значит все испортить, и просто села на диван рядом с мужем.

– Наверное, я немного устала, – пояснила она.

– Неделя семейной жизни тебя измотала, – ответил муж и похлопал ее по руке. – Тебе надо побольше отдыхать. Мы этим займемся.

«Почему все не случится скорее, почему?» – думала миссис Смит. Она встала, нервно прошла по комнате и выглянула в окно. Мистер Джонс как раз поднимался по ступенькам ко входу в здание – он поднял голову и помахал миссис Смит рукой. «Почему так долго, почему так долго?» – снова подумала она и обернулась к мужу.

– Ну что? – спросила миссис Смит.

– Да, наверное, – ответил мистер Смит, устало поднимаясь с дивана.

Сестра

Впервые в жизни Маргарет с сознательной симпатией посмотрела на брата. «Он такой большой и неловкий, как ребенок, – подумала она, – и что бы он ни сказал, наверняка это будут реплики из фильмов». Она посмотрела, как он закрыл дверь и остановился на минуту, раздумывая, с чего начать. Потом медленно подошел и неловко опустился в бледно-голубое кресло рядом с кроватью.

– Обалдеть, – произнес он.

Маргарет засмеялась.

– Обалдеть, – подтвердила она.

– Ты правда едешь? – спросил ее брат.

– Конечно, – ответила Маргарет.

Брат торжественно вытащил из кармана пачку и протянул ей. Маргарет покачала головой и указала на прикуренную сигарету, которая дымилась на краю комода. Брат закурил и подошел к столу за пепельницей.

– В конце концов ты сожжешь салфетку на комод, если будешь так раскладывать сигареты, – заметил он.

– Я так делаю с тех пор, как начала курить, – сказала Маргарет.

– Пару недель назад мама поставила пепельницу в мою комнату. Похоже, она поумнела. Тебе она дала пепельницу, только когда ты вернулась из колледжа.

– Я курю с пятнадцати лет, – сообщила Маргарет.

Брат встал и начал бродить по комнате. Он подошел к кровати и посмотрел на чемодан, который собирала Маргарет.

– Я помню это платье, – сказал он, приподнимая угол подола, – ты надела его в тот раз, когда я не нашел Дику девчонку, и ты пошла с нами. Мы тогда поехали на танцы в загородный клуб.

– В те дни я еще чувствовала себя старой девой, – призналась Маргарет.

Помолчав, он все же спросил:

– Слушай, ты и вправду собираешься замуж за того парня?

– Да, – сказала Маргарет.

– Ты понимаешь, какой это удар для отца с матерью?

Маргарет подошла к комоду и взяла сигарету.

– Ты говоришь прямо как папа, – сказала она, – таким же голосом и вообще. Еще забыл, что я неблагодарная и глупая и не знаю, что делаю, а через неделю буду дома, умоляя о прощении.

– Вряд ли, – возразил брат. Маргарет развернулась и посмотрела на него. – Ты умная, – продолжил он, – в колледже училась.

– Я встретила его в колледже, – сказала Маргарет.

– Знаю, – кивнул он. – Если бы я поступил в колледж, то, может, тоже встретил бы милую девушку.

– Вместо той, которую нашел.

– С Бобби все в порядке. – Он хмуро уставился на чемодан Маргарет на кровати. – Она славная. Потому мы и поженились.

Маргарет повернулась, чтобы посмотреть ему в лицо.

– Что ты сказал? – требовательно спросила она. – Ты женился на этой бродяжке?

Ее брат поднял и снова опустил взгляд, и Маргарет вдруг засмеялась.

– Ты хоть представляешь, какой это удар для отца и матери?

– Я решил сразу же сказать им, – пояснил брат, – но тут ты вернулась домой со своим планом выйти замуж за парня в Чикаго, и всем хватило твоих новостей.

– Так все из-за меня? – уточнила Маргарет. – Что ты собираешься делать?

– Расскажу потом, когда они переживут твои выкрутасы.

– Они с ума сойдут.

– Маргарет, послушай, что с ними не так? Больше ни у кого нет таких детей, как мы.

– Что с *нами* не так? – спросила Маргарет. – Мы честные граждане среднего класса, состоим в загородном клубе и владеем одной машиной. Я поступила в колледж, потому что хотела, а ты остался дома, потому что папа решил, что тебе пора работать. Мы всей семьей играем в гольф и бридж, и никто из нас не сказал ни единого доброго слова другим. Как ты сам думаешь, что с нами не так?

– Бобби говорит, что папа был с нами слишком строг, – сказал ее брат.

– Может, и так, – кивнула Маргарет. – Когда вы поженились?

– Примерно неделю назад.

– Где сейчас Бобби?

– Со своими. Они все знают. Ее сестра была с нами.

– Жаль, что меня там не было, – вздохнула Маргарет. – Мне бы хотелось...

– А мне бы хотелось быть на твоей свадьбе, – сказал он. – Мы никогда раньше так не говорили, правда?

– Разве был повод? Раньше с нами ничего не случалось.

Маргарет закрыла чемодан и заперла его, положив на пол. Брат помог ей надеть пальто, она взяла чемодан и осмотрелась.

– Я что-нибудь забыла? – спросила она.

– Слушай, – сказал он, – тебе нужны деньги?

«Прямо как в кино», – подумала Маргарет.

– Спасибо, – ответила она, – он прислал мне достаточно денег.

– У меня с собой есть немного наличных, – настаивал брат.

– Оставь их для Бобби, ей, наверное, понадобится.

Он проводил ее до двери спальни.

– Ну... – Он наклонился и поцеловал ее в щеку. – Удачи.

– Передай привет Бобби, – сказала Маргарет и пошла вниз по лестнице.

Из гостиной вышел отец, за ним шла мать. Маргарет направилась напрямиком к входной двери, но отец поднял руку.

– Подожди, – произнес он. – Ты не передумала?

– Ты не понимаешь, что делаешь, – вмешалась мать.

– Я уйду, – сказала Маргарет отцу.

– Неизвестно к кому, – напомнила мать, – в Чикаго.

– Ты всегда можешь вернуться домой, дочь, – сказал отец, – мы будем тебе рады.

– Спасибо, – ответила Маргарет.

– Маргарет, я все-таки скажу еще раз... Нам с матерью очень больно, но мы стараемся действовать в твоих интересах. Возможно, твое решение нас удивило, это так внезапно...

– Вы с братом всегда были такими послушными детьми, – добавила мать.

– Вот что, – заявила Маргарет, повернувшись к отцу и поставив чемодан на пол, – хотите узнать кое-что по-настоящему удивительное?

Отъявленный преступник

Матери большинства двенадцатилетних мальчиков, полагаю, живут с нелегким подозрением в том, что их сыновья ведут тайную преступную жизнь. В нашем случае это убеждение о моем сыне Лори разделяет – и не без причины – миссис Джон Р. Симпкинс из северной части штата Нью-Йорк. Ее мнение о Лори еще более категорично, чем мое и, в меньшей степени, мнение моего мужа, который исследует причины преступности XVIII века и утверждает, что в то время все двенадцатилетние мальчики были бандитами или, как он выражается, злостными хулиганами. Кстати, многие из них носили фамилию Симпкинс.

– Всего-то обчищали сады, – успокаивающе говорил он. – Крали одежду, сушившуюся на веревках.

Я имею в виду, конечно, миссис Джон Р. Симпкинс, которая жила рядом с нами в то лето, когда Лори исполнилось девять лет. Через дорогу от нас поселилась семья Роландов с сыновьями. Снимая дом на лето, мы и понятия не имели, что поблизости окажутся мальчики Роландов. Миссис Симпкинс время от времени пишет мне, чтобы поделиться новостями о наших общих знакомых, и хотя она никогда напрямую не спрашивает о криминальном опыте Лори и не упоминает о менее пикантных случаях, пережитых за шесть недель по соседству с нами, в своем последнем письме она сообщает, что сразу же вспомнила о нас, наткнувшись на статью о мальчике Роландов – вырезка из газеты прилагалась. В следующем абзаце она делится новостями о ее дорогом малютке – сына миссис Симпкинс хвалят учителя и печатают его стихи в школьной газете – и интересуется: что подельничает дорогой Лори? По-прежнему занимается всеми видами спорта, полагает миссис Симпкинс, и мечтает узнать, такой ли он «резвый», как всегда?

– Прочти, – сказала я, выкладывая письмо и вырезку из газеты на стол перед мужем.

Он рассеянно пробежал по ним взглядом.

– Добрались до него, да?

– Эту женщину нужно посадить в тюрьму за распространение злобных сплетен, – отрезала я.

– Представляю, что о нас думают в городе.

– Роланды...

– Что ж, – рассудительно произнесла я, – если она говорит такое о Роландах, то, вероятно, это правда. Ты знаешь не хуже меня, что их старший сын всегда был...

– Заводилой, – сказал муж.

– А наш бедный малыш Лори, которого завлекли эти малолетние преступники, просто следовал за ними и делал то, что ему велели.

– Как аутфилдер, – предположил муж. – В том последнем деле.

Схватив письмо и газетную вырезку, я кинулась из кабинета.

– Может быть, – бросила я через плечо, – если бы отец Лори разговаривал понятными словами...

– Примерно то же самое ты сказала миссис Роланд, – любезно заметил муж.

Так и было, или почти так. Я пошла на кухню и решила поквитаться с миссис Симпкинс, Роландами и мужем, второй день подряд подав на обед овощной суп. Накрыв кастрюлю крышкой, я пожалела, что внутри не кипит голова Спайка Роланда. Миссис Роланд я всего лишь сказала, что, возможно, отцу Спайка следовало бы подать хороший пример сыновьям – и впервые услышала, как она смеется. Сама я никогда не встречалась с мистером Роландом, а вот Лори его видел.

Спайку было тринадцать, Билли Роланду десять, а Лори девять. Милейший соседский мальчик по фамилии Симпкинс был примерно на полгода старше Лори, а его младшая сестра

и наша дочь Дженни в то лето очень сдружились. Я подумала, что надо бы Лори и прелестному малышу Томми Симпкину поиграть вместе, и даже пригласила детей Симпкинов на ужин в первые же дни после переезда. Вечеринка обернулась полным фиаско для Лори – после ужина Томми Симпкинс уселся играть в домики со своей сестрой и Дженни, а Лори побрел на улицу в поисках развлечений и встретил мальчиков Роландов – они как раз стреляли по фонарям.

Мы, конечно же, заметили, что поведение Лори за лето постоянно менялось к худшему. Он стал дерзким, грязным, бессердечным и весьма нелюбезно разговаривал с маленьким Томми Симпкином. А еще он очень уклончиво рассказывал о своих прогулках, и о пожаре мы узнали вообще только потому, что однажды вечером он вернулся домой с прожженной курткой и копотью на лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.